

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

мастера современной прозы

АЛЕХО КАРПЕНТЬЕР

Annotation

Роман «Царство земное» рассказывает о революции на Гаити в конце 18-го – начале 19 века и мифологической стихии, присущей сознанию негров. В нем Карпентьер открывает «чудесную реальность» Латинской Америки, подлинный мир народной жизни, где чудо порождается на каждом шагу мифологизированным сознанием народа. И эта народная фантастика, хранящая тепло родового бытия, красоту и гармонию народного идеала, противопоставляется вымороченному и бесплодному

«чуду», порожденному сознанием, бегущим в иррациональный хаос.

- Алехо Карпентьер

- Введение

- ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

- I. Восковые головы

- II. Ампутация

- III. Что нащупала рука

- IV. Список

- V. De profundis [48]

- VI. Метаморфозы

- VII. Обличье человека

- VIII. Великий полет

- ЧАСТЬ ВТОРАЯ

- I. Дщерь Миноса и

Пасифаи [61]

- II. Великий договор
- III. Зов раковин
- IV. Догон в ковчеге [74]
- V. Сантьяго-де-Куба
- VI. Корабль с собаками
- VII. Святой бедлам

○ ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

-
- I. Знаки
- II. Сан-Суси
- III. Заклание быков
- IV. Замурованный
- V. _____ Хроника
пятнадцатого августа
- VI. Ultima ratio regum
- VII. _____ Единственные
ворота

- ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

- I. Статуи в ночи

- II. Королевский дворец

- III. Землемеры

- VI. Agnus dei [137]

- notes

- 1

- 2

- 3

- 4

- 5

- 6

- 7

- 8

- 9

- 10

- 11

- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)

- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)

- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)

- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)

- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)

- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)

- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)

○ [138](#)

Алехо Карпентьер

Царство Земное

Введение

...А что до всех этих превращений людей в волков, так есть такая болезнь, именуемая врачами ликантропия... [\[1\]](#)

*(Странствия
Персилеса и
Сихисмунды)*

В конце 1943 года мне довелось побывать во владениях Анри Кристофа [\[2\]](#), – я видел развалины Сан-Суси [\[3\]](#), исполненные поэзии,

видел громады цитадели Ла-Феррьер [4], сохранившие в целости свое грозное величие наперекор всем молниям и землетрясениям, посетил я и город Кап – Кап-Франсэ во времена французского владычества [5], – доныне не утративший своего норманского своеобразия, и под длиннейшими балконами, что тянутся вдоль фасадов, я прошел к белокаменному дворцу, где жила некогда Полина Бонапарт [6]. Я испытал на себе ничуть не преувеличенное молвою очарование пейзажей Гаити, я находил магические знаки на красноземе дорог Центрального плато, я слышал барабаны культов Петро и Рада [7], и

невольно напрашивалось сопоставление: с одной стороны, полная чудес действительность, только что мне открывшаяся, а с другой – мир чудесного как плод жалких потуг, характерных для некоторых течений европейской литературы последнего тридцатилетия. Мир чудесного, который пытались вызвать к жизни при помощи старых штампов: лес Броселианды, рыцари Круглого стола, волшебник Мерлин, цикл о короле Артуре [8]. Мир чудесного, убого представленный профессиональным шукачеством и профессиональным уродством ярмарочных фигляров, – неужели

молодым французским поэтам еще не приелись диковины балаганов на *fete foraine* [\[9\]](#) и ярмарочные паяцы, с которыми распрощался уже Рембо в своей «Алхимии глагола»? [\[10\]](#) Мир чудесного, созданный по принципу циркового фокуса, когда рядом оказываются предметы, в действительной жизни никак не сочетающиеся: старая и лживая история о том, как зонтик и швейная машинка случайно повстречались на анатомическом столе, порождающем ложки из меха горноста; улитки в такси, из потолка которого хлещет дождь; львиная морда между раздвинутыми ногами вдовы и прочие изыски сюрреалистических

выставок. Или, наконец, мир чудесного в литературной традиции: король из «Жюльетты» маркиза де Сада [\[11\]](#), сверхмужчина Жарри [\[12\]](#), монах Льюиса [\[13\]](#), реквизит ужасов из черного английского романа: призраки, замурованные священники, оборотни, отрубленные кисти рук, прибитые к воротам замка.

Но в своем стремлении любыми средствами воссоздать мир чудесного чудотворцы превращаются в чинуш. В ход идут избитые формулы, на основе которых создаются картины, уныло перепевающие все те же мотивы: желеобразные часы, манекены из

швейной мастерской, скульптуры неопределенно-фаллического вида; и тогда мир чудесного сводится к тому, что зонтик, либо омар, либо швейная машинка, либо еще какой-то предмет оказываются на столе анатома, в унылой комнатухе, среди скал пустыни. Бедность воображения, заметил Унамуно [\[14\]](#), состоит в том, чтобы вытвердить наизусть свод правил. А в наши дни существуют своды правил в области фантастики, основанные на принципе: смоква пожирает осла; этой формуле, заимствованной из «Песен Мальдолора» [\[15\]](#) и предельно искажающей реальные отношения, мы обязаны всяческими «детьми,

подвергшимися нападению
соловьев» либо «лошадьми,
пожирающими птиц», вышедшими
из-под кисти Андре Массона [\[16\]](#). Но
заметьте: когда тот же Андре Массой
попытался изобразить джунгли
острова Мартиники, причудливое
переплетение их зарослей, странные
плоды, непристойно жмущиеся друг
к другу, полная чудес реальность
изображаемого пожрала художника,
которому оказалось не под силу
перенести ее на полотно. И только
латиноамериканский живописец,
кубинец Вифредо Лам [\[17\]](#), сумел
показать нам магию тропической
растительности, буйное Сотворение
форм, характерное для нашей

природы, — со всем присущим ей многообразием мимики и симбиоза, — на своих монументальных полотнах, по силе и выразительности стоящих особняком в современной живописи [\[18\]](#). Когда я сталкиваюсь с плачевной скудостью воображения какого-нибудь Танги [\[19\]](#), например, который вот уже двадцать пять лет изображает все тех же окаменелых личинок под тем же серым небом, мне хочется повторить фразу, составлявшую предмет гордости зачинателей сюрреализма: «Vous, qui ne voyez pas, pensez a ceux qui voient» [\[20\]](#). Слишком много еще на свете «юнцов, которые познают наслаждение в соитии с

неостывшими трупами красивых женщин» (Лотреамон), не сознавая, что мир чудесного открылся бы им в соитии с живыми. Но многочисленные любители пощеголять в облачении волхва, купленном по дешевке, забывают, — а в этом суть, — что мир чудесного лишь тогда становится безусловно подлинным, когда возникает из неожиданного преобразования действительности (чудо), из обостренного постижения действительности, из необычного либо особенно выгодного освещения сокровищ, таящихся в действительности, из укрупнения масштабов и категорий

действительности, и при этом необходимым условием является крайняя интенсивность восприятия, порождаемая той степенью экзальтации духа, которая приводит его в некое «состояние предельного напряжения». Итак, для начала, дабы познать мир чудесного в ощущении, необходима вера. Если ты не веришь в святых, не жди исцеления от их чудес, и если ты – не Дон-Кихот, тебе не уйти в мир «Амадиса Галльского» либо «Тиранта Белого» [\[21\]](#) так, как ушел он, – отдав этому миру свою душу, и тело, и достояние. В «Странствиях Персилеса и Сихисмунды» слова об оборотнях, вложенные в уста Рутилио [\[22\]](#), звучат

с поразительной достоверностью, поскольку во времена Сервантеса верили в то, что есть люди, страдающие ликантропией. И столь же достоверно путешествие героя из Тосканы в Норвегию на плаще ведьмы [23]. Марко Поло допускал, что существуют птицы, способные унести в когтях слона [24], а Лютер видел воочию дьявола и швырнул ему в голову чернильницу [25]. Виктор Гюго, на которого то и дело кивают счетоводы от литературы, пытающиеся втиснуть мир чудесного в графы гроссбуха, верил в привидения, ибо был убежден, что видел на Гернси призрак Леопольдины [26] и говорил с ним.

Ван-Гогу достаточно было уверовать в Подсолнух, чтобы запечатлеть на полотне его истинный образ [\[27\]](#). Таким образом, мир чудесного, когда его пытаются вызвать к жизни в безверии, как столько лет делали сюрреалисты, – был и будет всего лишь литературным трюком, который в конечном итоге оказывается столь же малоинтересным, как некоторые произведения той литературной школы, которая берет в качестве материала сновидения, но организует их по законам логики, и как панегирики безумию, всем давно прискучившие. Разумеется, из всего сказанного отнюдь не следует, что

правы сторонники *возвращения к реализму*, — в контексте термин приобретает примитивно политический смысл, — поскольку они просто-напросто подменяют фокусы иллюзионистов общими местами «завербованной литературы» либо экзистенциалистским смакованием грубо натуралистических подробностей. Но нет сомнения, что едва ли можно найти оправдание поэтам и художникам, которые славословят садизм, но отнюдь ему не предаются, восхищаются мощью сверхмужчины, поскольку страдают импотенцией, вызывают духов, не веря, что те повинуются

заклинаниям, и основывают тайные общества, литературные секты и философские группировки неопределенного направления, вырабатывая для них особый язык и сокровенные цели, — которые им не суждено достичь, — но при этом не способны прийти к сколько-нибудь целостной мистической системе либо отказаться от самых ничтожных своих привычек во имя избранной веры, поставив душу на роковую эту карту.

С особенной отчетливостью убедился я в этом во время своего пребывания на Гаити, когда повседневно соприкасался с реальностью, которую можно

определить как реальный мир чудесного. Я ступал по земле, помнившей время, когда тысячи жаждущих свободы людей уверовали в то, что Макандаль наделен даром обращаться в животных, и настолько уверовали, что коллективная их вера сотворила чудо в день казни однорукого. Я уже познакомился с удивительной историей Букмана [\[28\]](#), негра с острова Ямайки, обладавшего даром ясновидения. Я видел цитадель Ла-Феррьер, сооружение, подобного которому до той поры не знала ни одна архитектура и которое возвещали лишь «Фантазии на тему темниц» Пиранези [\[29\]](#). Я живо представлял себе атмосферу, которую

создал в стране Анри Кристоф, монарх с невероятными притязаниями, поражающий воображение куда сильнее, чем все жестокие короли сюрреалистов, столь охотно живописующих невероятные формы деспотизма, порожденные их фантазией, отнюдь не личным опытом. На каждом шагу я открывал реальный мир чудесного. И в то же время мне думалось, что реальный мир чудесного во всей его жизненности и жизнеспособности не составляет исключительной привилегии Гаити, а является достоянием Америки вообще; ведь недаром, например, еще не описаны полностью все космогонические

системы народов этого континента. Реальный мир чудесного вторгается на каждом шагу в жизнь людей, вписавших страницы в историю Латинской Америки и оставивших родовые прозвища, которые и поныне носят в ее странах, – в их перечень можно включить имена испанцев, участвовавших в поисках Источника Вечной Молодости и золотого города Маноа, имена первых наших повстанцев, имена живших еще так недавно героев наших войн за независимость, иные из которых словно вышли из легенды, как, скажем, полковница Хуана де Асурдуй [\[30\]](#). Мне всегда казалось весьма многозначительным то

обстоятельство, что в 1780 году несколько вполне здравых рассудком испанцев из Ангостуры [\[31\]](#) отправились на поиски Эльдорадо, а в дни французской революции – да здравствует разум и Верховное Существо! – Франсиско Менендес, уроженец Сантьяго-де-Компостела, блуждал по землям Патагонии в поисках Очарованного Града Цезарей [\[32\]](#). Рассматривая тот же вопрос под другим углом зрения, мы увидим, что если в Западной Европе танцевальный фольклор, например, утратил начисто характер магии либо священнодействия, то в Латинской Америке едва ли найдутся массовые пляски, не заключающие в себе

глубокого обрядового смысла, к которому подводит сложный процесс приобщения и посвящения: сошлюсь хотя бы на пляски кубинских сантеро [33] или на поразительный ритуал празднования тела господня, явно восходящий к африканской обрядности и до сих пор соблюдающийся в селении Сан-Франсиско-де-Яре, в Венесуэле.

В поэме Лотреамона (песнь шестая) есть эпизод, когда герой, преследуемый полицией всех стран мира, ускользает от «полчища шпионов и агентов», принимая облик различных животных, и, пользуясь своим даром, мгновенно переносится в Пекин, Мадрид либо в

Санкт-Петербург. Это «литература чудесного» в самом чистом виде. Но в Америке, литература которой не создала произведения, сопоставимого с этой поэмой, жил когда-то негр по имени Макандаль, силою веры своих современников наделенный теми же сверхъестественными свойствами, что Мальдолор, и вдохновивший благодаря своей славе чародея одно из самых трагических и необычных восстаний в истории. Мальдолор — по собственному признанию Дюкасса — был всего лишь «поэтический вариант Рокамболя» [34]. После него осталась только литературная школа, притом весьма

недолговечная. А после Макандаля остался законченный мифологический цикл с соответствующими магическими гимнами, которые целый народ передает из поколения в поколение и которые до сих пор поются во время священнодействий воду [\[35\]](#). (С другой стороны, весьма примечательна странная случайность, по милости которой Изидор Дюкасс, человек, поразительно чувствовавший поэзию фантастического, родился в Америке, чем он похвалялся с таким пафосом в конце одной из песен, именуя себя «le Montevideen» [\[36\]](#).) Девственность природы Латинской Америки, особенности исторического

процесса, специфика бытия, фаустианский элемент в лице негра и индейца, само открытие этого континента, по сути недавнее и оказавшееся не просто открытием, но откровением, плодотворное смешение рас, ставшее возможным только на этой земле, — все эти обстоятельства способствовали созданию богатейшей мифологической сокровищницы Америки, далеко еще не исчерпанной.

В книге, которую я предлагаю вниманию читателя, нашли отражение все эти проблемы, хотя в процессе работы над нею я не задавался намеренно подобной

целью. В этой книге излагается ряд необыкновенных событий, которые произошли на острове Сан-Доминго [37] за определенный промежуток времени, более краткий, чем срок человеческой жизни, и мир чудесного возникает в ней самопроизвольно, порождаемый действительностью, за которой я следовал неотступно и во всех ее подробностях. Ибо нужно сказать заранее, что предлагаемая повесть строится на сугубо документальной основе и верность исторической правде соблюдена не только в изложении событий, в именах персонажей — вплоть до второстепенных, — в топонимике и

даже в названиях улиц, но и в тщательно выверенной хронологии, ибо за мнимой вневременностью повествования скрыты точные даты. И тем не менее из-за драматической необычности событий, из-за фантастичности духовного склада действующих лиц, столкнувшихся в определенный момент на магическом перекрестке Капа, стихия чудесного насквозь пронизывает эту историю, которая была бы немыслима в Европе, но тем не менее столь же реальна, сколь любой поучительный исторический эпизод из тех, что с воспитательно-дидактической целью приводятся в школьных учебниках. Но что такое

вся история Латинской Америки, как
не хроника реального мира чудес?

А. К.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Дьявол

*Разрешат ли мне
войти?*

Провидение

Кто ты?

Дьявол

Запада владыка.

Провидение

*Знаю, кто ты,
окаянный.*

Что ж, входи.

(Дьявол входит.)

Дьявол
Судья великий,
Неусыпный,
неустанный!
Ты куда, на горе мне,
Флот Колумба
снаряжаешь?
Испокон веков, ты
знаешь,
В той царю я стороне.
[\[38\]](#)

Lone de Vega

I. Восковые головы

Из двадцати племенных жеребцов, доставленных в Кап-Франсэ капитаном корабля, который вел дело на половинных паях с одним нормандским коннозаводчиком, Ти Ноэль, не раздумывая, выбрал белоножку со свислым крупом, отменного производителя, который должен был улучшить породу, ибо кобылы жеребились недомерками и молодняк год от году мельчал. Мосье Ленорман де Мези, зная, что раб разбирается в лошадях, выбор одобрил и выложил звонкие луидоры. Связав из пеньковой веревки уздечку, Ти Ноэль удобно расположился на

широкой спине крепкого, осыпанного гречкой першерона; кожу обнаженных ляжек холодил скользкий конский пот, выступавший на густой шерсти и быстро превращавшийся в солоноватую пену. Раб пустил коня следом за гнедым своего господина, статным и тонконогим, особенно по сравнению с першероном; они миновали квартал мореходов и рыбаков, где склады пропахли рассолами, где кипами лежала парусина, залубеневшая от сырости, где торговали морскими сухарями, такими твердыми, что их приходилось дробить кулаком, и выехали на Главную улицу, которая в этот утренний час пестрела яркими

клетчатými фулярами чернокожих
служанок, возвращавшихся с рынка.
Проехала губернаторская карета,
изукрашенная позолоченными
завитушками рокайля, и мосье
Ленорман де Мези, сняв шляпу,
почтительно ею повел. Затем раб и
хозяин привязали лошадей возле
заведения цирюльника,
выписывавшего «Лейденскую газету»
[\[39\]](#) в утеху своим просвещенным
клиентам.

Пока хозяина брили, Ти Ноэль
мог наглядеться всласть на четыре
восковые головы, красовавшиеся в
окне возле входа в цирюльню.
Завитки париков окаймляли
недвижные лица, ниспадая каскадом

буклей на алую ткань, устилавшую подоконник. Головы были словно настоящие — и в то же время словно мертвые из-за остановившегося взгляда, — они напоминали Ти Ноэлю говорящую голову, которую несколько лет назад показывал в Кап-Франсэ заезжий шарлатан, заманивавший с ее помощью покупателей: он торговал эликсиром от зубной боли и от ревматизма. По прихоти насмешника случая в окне соседней лавки, мясной, были выставлены телячьи головы, освежеванные, со стебельком петрушки на языке; они, казалось, тоже были из воска, как и головы в окне цирюльни, и как будто

подремывали, а вокруг были разложены красные телячьи хвосты, блюда с заливным из телячьих ножек и горшочки с потрохами по-кайеннски. Оба окна разделяла лишь деревянная перегородка, и Ти Ноэль тешил свое воображение, представляя себе, как головы белых господ подают к столу, кладут на ту же скатерть, что и бескровно-бледные телячьи головки. Подобно тому, как декорируют перьями птичью тушку, готовя блюдо к званому обеду, так и головы белых господ какой-то повар, искусник и малость каннибал, разукрасил самыми пышными париками. Не хватало только гарнира из листьев

салата либо из ломтиков редьки, нарезанных в виде бурбонской лилии. Впрочем, в окне цирюльни виднелись баночки с притираниями, флаконы с лавандовой водой, коробочки с рисовой пудрой, а в окне мясной лавки — миски с требухой и подносы с почками, и в очертаниях сосудов и склянок тоже было что-то общее, придававшее законченность этой картине омерзительной трапезы.

В это утро голов было великое множество, поскольку другой сосед цирюльника, книготорговец, развесил на проволоке недавно полученные из Парижа эстампы, закрепив их бельевыми прищепками.

По крайней мере, на четырех изображался лик короля Франции в обрамлении из солнц, шпаг и лавров. Но немало было и других голов в париках, принадлежавших, нужно полагать, самым важным вельможам Франции. Полководцев можно было узнать по их позе — манием руки они посылали в бой войска. Законники внушительно хмурились. Люди мысли тонко усмехались над виньеткой из перекрещивающихся гусиных перьев, под которой виднелись столбцы стихов, ничего не говоривших Ти Ноэлю, ибо рабы не разумели грамоте. Были там и раскрашенные гравюры менее торжественного свойства; на них

изображались празднества с
потешными огнями в честь взятия
неприятельского города, комический
балет в исполнении лекарей,
вооруженных громадными
клистирами, общество в саду,
развлекающееся игрой в жмурки,
молодые повесы, рука которых
блуждает за вырезом корсажа
горничной, или — излюбленный
сюжет — хитроумный любовник,
который прилег на траву и созерцает
в экстазе тайные прелести дамы, в
невинности души раскачивающейся
на качелях. Но в этот момент
внимание Ти Ноэля привлекла
гравюра на меди, последняя в ряду и
отличавшаяся от прочих и темой и

исполнением. На ней был изображен некий француз, то ли адмирал, то ли посол, он стоял перед негром, восседавшим на троне, вокруг негра колыхались опахала из перьев, а трон был разукрашен резьбою, представлявшей обезьян и ящериц.

— Это что за люди? — дерзко осведомился Ти Ноэль у книготорговца, который, стоя на пороге своей лавки, раскуривал длинную глиняную трубку.

— Это король из твоих краев.

Подтверждение было лишним, молодой раб догадался и сам, сразу припомнив рассказы Макандаля, которые он слышал на мельнице, где мололи сахарный тростник; самая

старая лошадь в поместье Ленормана де Мези ходила по кругу, вращая цилиндры, а Макандаль рассказывал нараспев, монотонно. С деланной усталостью в голосе, позволявшей особо выигрышно подавать заключительные фразы, мандинга повествовал о событиях, совершившихся в могучих государствах народов попо, арада, наго и фула [\[40\]](#). Он говорил о великих переселениях народов, о вековых войнах, о диковинных битвах, когда лесные звери оказывали помощь людям. Он знал историю Адонуэсо, короля Анголы, а также историю короля Да, Великого Змея, который воплощает вечное и непреходящее

начало и мистически предается
любовным утехам с Королевою
Радугой [\[41\]](#), повелевающей всеми
водами и родовыми муками всех
тварей. Но всего обстоятельнее
повествовал Макандаль о деяниях
Канкана Музы, отважного Музы,
основателя непобедимого
государства народа мандинга; кони
этого монарха были украшены
расшитыми попонами и сбруями из
серебряных монет, и ржанье их
покрывало лязг оружия, а под кожей
двух барабанов, свисавших с
хребтины, таился гром. Эти короли
мчались в бой с копьем наперевес во
главе своих ратников, ибо искусство
ведунов сделало их неуязвимыми и

рана повергала их наземь лишь в том случае, если они каким-либо образом оскорбили божества Молнии или божества Кузницы. Да, это были короли, истинные короли, не чета венценосцам, что щеголяют в накладных волосах, развлекаются игрою в бильбоке, а богами могут быть лишь на подмостках своих придворных театров, где по-женски жеманно перебирают жидкими ногами под звуки ригодона. Эти белокожие короли услаждают свой слух напевами скрипок и наветами пасквилянтов, трескотней любовниц и трелями заводных птичек, а не грохотом пушек, обстреливающих неприятельский люнет. Хотя сам Ти

Ноэль был малосведущ, он познал эти истины благодаря великой мудрости Макандаля. В Африке король был воином, охотником, судьей и жрецом; его драгоценное семя приумножало род героев. Не то во Франции и в Испании: там король посылает сражаться генералов, не властен творить суд, покорно слушает поучения какого-нибудь монаха-исповедника, а что касается мужской силы, то ее хватает монарху лишь на то, чтобы зачать хилого принца, который не способен справиться с оленем без помощи ловчего и в самом титуловании которого кроется невольная ирония, ибо французы именуют его дофином

и тем же словом обозначают дельфина, а ведь дельфин — просто морское животное, безобидное и не внушающее страха. Напротив, в том краю — в том Великом Краю — королевские сыновья были тверже наковальни, там были принцы-леопарды и принцы, ведавшие язык деревьев, и принцы, обладавшие властью над четырьмя сторонами света, повелители туч и семени, бронзы и огня.

Ти Ноэль услышал голос хозяина: мосье Ленорман де Мези выходил из цирюльни, щеки его были густо напудрены. Теперь лицо хозяина удивительно походило на бескровные восковые лица, которые

улыбались за окном цирюльни дурацкой улыбкой. По дороге мосье Ленорман де Мези купил в мясной телячью голову и передал ее рабу. Сидя верхом на першероне, явно стосковавшемся по корму, Ти Ноэль ощупывал холодную белую кожу телячьего черепа и думал, что на ощупь его поверхность ничем, наверное, не отличается от лысины, которую господин его прячет под париком. Улица между тем наполнилась людом. Возвращавшихся с базара негритянок сменили дамы, выходявшие из церкви от утренней мессы. Нередко за какой-нибудь квартиронкой, сожительницей разбогатевшего

чиновника, следовала горничная, цвет лица которой был ничуть не темнее, чем у ее госпожи; горничная несла пальмовый веер, молитвенник и зонтик от солнца с кистями из золотой канители. На углу кукольник показывал пляшущих марионеток. Какой-то моряк предлагал дамам купить у него бразильскую обезьянку, наряженную по испанской моде. В тавернах откупоривали бутылки с вином, бутылки для охлаждения были поставлены в бочки, набитые мокрым песком с солью. Отец Корнехо, священник из Лимонадского прихода, подъехал к зданию Кафедрального собора на своем мышастом муле.

Мосье Ленорман де Мези и его раб выехали из города и пустили коней по дороге вдоль берега моря. Над бастионами крепости загремели пушки. На горизонте показался «La Courageuse» [\[42\]](#), фрегат королевского военного флота, возвращавшийся с острова Ла-Тортю. Над бортами фрегата забелели дымки ответных выстрелов. Мосье Ленорман де Мези, припомнив времена своей молодости, когда он был всего лишь неимущим офицером, стал насвистывать походный марш. Ти Ноэль, в пику хозяину, мысленно замурлыкал не в лад матросскую песенку, которую часто пели портовые бондари и в которой они

честили почем зря короля Англии. Песенка была на французском, не на креольском, но Ти Ноэль точно знал, что там честят короля. Он за то ее и выучил. К тому же он в грош не ставил английского короля, и все они стоят друг друга, что английский, что французский, что испанский, который правит другой половиной острова [\[43\]](#) и жены которого – по словам Макандаля – румянят себе щеки бычьей кровью и хоронят принцев-недоносков в монастыре, а в подвалах монастыря лежат грудями скелеты тех, кого отвергло истинное небо, ибо оно заказано мертвым, не ведающим истинных богов.

II. Ампутация

Ти Ноэль сидел на перевернутой бадье и слушал Макандаля, перестав следить за старой лошастью, которая привычным безукоризненно размеренным шагом ходила по кругу, вращая вал мельницы. Макандаль брал охапками сахарный тростник и пропихивал между железными цилиндрами. Глаза мандинги, всегда налитые кровью, его мощная грудь и поразительно тонкий стан странно завораживали Ти Ноэля. Шла молва, что глуховатый низкий голос Макандаля действует на негритянок безотказно. И к тому же он такой мастер рассказывать всякую всячину

и строить устрашающие гримасы, представляя свои истории в лицах, что и мужчины слушают его, затаив дыхание, особенно когда мандинга заводит речь о путешествии, которое совершил много лет назад, когда враги захватили его в плен, чтобы потом продать работоторговцам в Сьерра-Леоне [\[44\]](#). Слушая Макандаля, молодой негр понимал, что Кап-Франсэ с его колокольнями, каменными зданиями, домами в нормандском вкусе, вдоль которых тянутся длинные галереи, ничего не стоит по сравнению с городами Гвинеи. В тех городах есть алые глиняные купола, венчающие мощные крепостные сооружения с

зубчатыми стенами; есть базары, слава о которых гремит за пределами пустынь, доходя до племен, живущих не на земле, а на воде, в свайных поселках. В тех городах искусные оружейники ведают тайны металлов и умеют ковать мечи, которые острее бритвы, а весят в руке воина меньше пушинки. Полноводные реки, низвергающиеся с неба, лижут ноги людей, и не нужно привозить соль из Соляного края. В огромных строениях хранится пшеница, кунжут, просо; меновая торговля ведется с самыми отдаленными краями, и даже из Андалусии везут сюда вина и оливковое масло. Под навесами из листьев пальмы спят

гигантские барабаны, прародительницы всех барабанов, с изображениями человеческих ликов и с ножками, выкрашенными красною краской. Ливни повинуются заклинаниям мудрецов, а на празднике обрезания пляшут юные девушки, их ноги до колен вымазаны блестящей кровью, и они пляшут под звонкий перестук гладких камушков, напоминающий своим звучанием гул мощных, но укрощенных водопадов. В священном граде Вида [45] воздаются почести Кобре, мистически олицетворяющей вечное круговращение, и божествам, что управляют миром растений и являются людям на берегах соленых

озер, мелькая в зарослях камыша влажным блестящим телом.

Передние копыта старой лошади подогнулись, она повалилась на колени. Послышался вопль, такой пронзительный и громкий, что он разнесся по всем окрестностям, всполошив голубей в голубятнях. Кисть левой руки Макандаля застряла между перемалывавшими тростник цилиндрами, которые внезапно завертелись с непривычной быстротой, затягивая руку до самого плеча. В бадье с соком сахарного тростника расплывалось кровавое пятно. Схватив нож, Ти Ноэль перерезал постромки, закрепленные на стояке мельницы. На мельничный

двор сбегались рабы из дубильни, впереди спешил сам хозяин. Подоспели также те, кто работал на коптильне и на сушильне для зерен какао. Теперь Макандаль пытался выдернуть истерзанную руку, вращая цилиндры в обратном направлении. Правой рукой он ощупывал локоть и запястье левой, переставшие ему повиноваться. Казалось, он не понимает, что случилось, в глазах его застыло недоумение. Ему перетянули плечо веревочным жгутом, завели жгут под мышку, чтоб остановить кровотечение. Хозяин велел принести точильный камень и наточить мачете, который должен был служить орудием ампутации.

III. Что нащупала рука

Макандаль, непригодный для тяжелых работ, был определен в пастухи. До рассвета он выводил стадо со двора и гнал к тенивым склонам горы, поросшим густою травой, в которой роса держалась до позднего утра. Приглядывая за коровами, медлительно бродившими в высоком клевере пастбища, он стал обращать внимание на некоторые растения, которых не замечал прежде, но которые теперь вызывали у него странное любопытство. Лежа в тени рожкового дерева и упираясь в землю локтем уцелевшей руки, он перебирал знакомые травы,

выискивая всевозможные
диковинные порождения земли,
прежде нисколько его не
занимавшие. С удивлением открывал
он потаенную жизнь причудливых
трав, растеньица, которые хитрили,
играли в прятки, сбивали с толку,
растеньица, состоявшие в дружбе с
мелким чешуекрылым народцем,
избегавшим муравьиных тропок.
Рука приносила россыпь
безымянных семян, колючие
стелющиеся кустики, пахнущие
серой, крохотные стручки дикого
перца; ползучие побеги, опутавшие
сетью камни; одинокие стебли с
ворсистыми листьями, которые
ночью потеют; растения-недотроги,

которые увядают от одного звука человеческого голоса; семенные коробочки, которые в полдень лопаются, сухо щелкнув, словно блоха, прижатая к ногтю; вьющиеся лозы, сплетающиеся в липкие заросли подальше от солнечных лучей. Была одна лиана, от которой на коже оставались ожоги, а запах другой дурманил голову всякому, кто вздумал бы прилечь поблизости. Но больше всего теперь занимали Макандаля грибы. Грибы, от которых пахло трухой, аптечным снадобьем, подземельем, хворью, грибы, похожие на ослиное ухо или на бычий язык, морщинистые толстые шляпки, покрытые омерзительной

слизью, пятнистые зонтики, прятавшиеся в холодных сырых выемках, где ютились жабы, которые не то смотрели немигающим оком, не то спали. Мандинга растирал мякоть гриба между пальцами, подносил пальцы к ноздрям — кожа пахла ядом. Затем он совал руку под храп корове. Если животное отводила морду, глубоко втягивая воздух, и в глазах у нее появлялся испуг, Макандаль старался набрать побольше таких грибов, складывал их в суму из сыромятной кожи, которую носил на груди.

Под предлогом купанья лошадей Ти Ноэль часто отлучался из усадьбы Ленормана де Мези и проводил с

одноруким долгие часы. В такие дни они вдвоем направлялись к тропинке, которая шла по долине; места здесь были овражистые, и отроги гор были изрыты глубокими пещерами. Они заходили к старой негритянке, которая жила одна, хотя дом ее навещали люди из очень дальних мест. На стенах жилья висели сабли, ярко-красные полотнища знамен на тяжелых древках, подковы, метеориты и кресты из стянутых проволокой ржавых ложек, чтобы отвадить барона Самди, барона Пикана, барона Лакруа и прочих властителей кладбищ [\[46\]](#). Макандаль показывал матушке Луа [\[47\]](#) листья, травы, грибы, лекарственные

растения, лежавшие у него в суме. Она их тщательно разглядывала, одни растирала пальцем и нюхала, другие отбрасывала. Иногда заходил разговор про зверей, прославленных преданьями и положивших основания людским племенам. Поминались и люди, силою заклинаний умевшие оборачиваться волками. Были известны случаи, когда твари из рода кошачьих силою брали женщин, и с тех пор эти женщины в ночную пору теряли дар речи и могли только рычать. Однажды в самом занятом месте рассказа на матушку Луа напала странная немота. Повинуясь таинственному приказу, она

подбежала к печи и погрузила Руки в котел с кипящим маслом. Ти Ноэль заметил, что лицо ее при этом выражало величайшее безразличие и, самое удивительное, когда матушка Луа вытащила из котла руки, на коже не было ни волдырей, ни следов ожогов, хотя несколькими мгновениями раньше, когда она опускала руки в масло, слышался жутковатый треск лопающейся кожи. Поскольку Макандаль, казалось, отнесся ко всему происходящему с полнейшим спокойствием, Ти Ноэль постарался скрыть удивление. Старая колдунья и мандинга продолжали беседу как ни в чем не бывало, прерывая ее время от времени

долгими паузами, во время которых оба глядели вдаль.

Однажды они поймали кобеля в поре, из своры Ленормана ди Мези. Ти Ноэль, сидя на нем верхом и притиснув его к земле своей тяжестью, придерживал морду за уши, а Макандаль в это время, выдавив на камень немного бледно-желтого соку из какого-то гриба, тер этим камнем щипец животного. Кобель судорожно поджался всем телом. Затем задергался в сильнейших корчах и упал на спину, растопырив окоченевшие лапы и обнажив клыки. В тот вечер, воротившись в поместье, Макандаль долго стоял, разглядывая мельницы,

сушильни для зерен какао и кофе, хранилище индиго, кузницы, водоемы и коптильни.

— Пора приспела, — сказал он.

Тщетно звали его на другой день. Хозяин устроил облаву, черномазым в острастку, но особо усердствовать не стал. Раб с одной рукой — не бог весть какая ценность. Кроме того, как известно, в любом негре из племени мандинга сидит будущий симаррон — беглый бунтовщик. Если мандинга — стало быть, смутьян, ослушник, дьявол. Потому-то рабы из этого племени и шли на невольничьем рынке по столь низкой цене. У всех у них одно на уме — податься в леса. Кроме того, вокруг

столько поместий, однорукому далеко не уйти. Когда его приведут, надо будет расправиться с ним покруче и на глазах у всех рабов, чтобы прочим было неповадно. Но однорукий – он однорукий и есть. Было бы глупо рисковать попусту парой породистых сторожевых псов, еще пропорет им брюхо ножом, с него станется.

IV. Список

Исчезновение Макандаля глубоко опечалило Ти Ноэля. Если бы мандинга предложил ему совместное бегство, молодой раб с радостью взялся бы служить ему. Теперь он думал, что однорукий не очень-то высоко его ставил, раз не пожелал посвящать в свои намерения. Ночами эта мысль не давала рабу покоя. Ти Ноэлю не спалось в яслях, служивших ему постелью, и время тянулось слишком долго; тогда он вставал и, плача, обнимал шею нормандского жеребца, зарываясь лицом в теплую гриву, от которой пахло конем и речной свежестью. С

исчезновением Макандаля исчез целый мир, оживавший в рассказах мандинги. С ним ушли Канкан Муза, Адонуэсо, истинные короли и Радуга, владычица града Вида. Утратив то, что скрашивало ему жизнь, Ти Ноэль изнывал от скуки в часы воскресных досугов и проводил все время с лошадьми, холил их, выбирал клещей из ушных раковин и из подпашья. Так прошел весь период дождей.

Однажды, в ту пору, когда реки уже вернулись в свое русло, Ти Ноэль встретил неподалеку от конюшен старуху из хижины на горе. Она принесла ему вести от Макандаля. На рассвете молодой негр пробрался к узкой расселине в горах и,

протиснувшись внутрь, оказался в сталагмитовой пещере, уходившей вниз, где она становилась шире, а по стенам, уцепившись лапами за выступы, висели гроздья летучих мышей. Под ногами лежал толстый слой затвердевшего помета, в который вросли обломки примитивной утвари и рыбы кости, превратившиеся в окаменелости. Сырой полумрак был пропитан тяжелым удушливым запахом, и, заметив посреди пещеры несколько глиняных сосудов, Ти Ноэль понял, что запах этот идет оттуда. Шкурки ящериц, наваленные грудой, прикрывали пласты сыра. На большом валуне явно только что

растирали травы с помощью нескольких камешков поменьше, круглых и гладких. На древесном стволе, по всей длине стесанном и выструганном с помощью мачете, лежала прихода-расходная книга, украденная у эконома мосье Ленормана де Мези, на ее страницах виднелись крупные закорючки, выведенные углем. Ти Ноэлю невольно вспомнились аптечные заведения в Кап-Франсэ с их большими медными ступками, томом фармакопеи, покоящимся на особой подставке, со склянками, содержащими рвотный орех и асафетиду, и со связками корешков алтея, укрепляющих десны. Не

хватало только колб с
заспиртованными скорпионами,
пузырьков с розовым маслом и
вивария для пиявок.

Макандаль спал с тела.
Казалось, он состоит лишь из костей
да мускулов, выступающих под кожей
мощными, рельефно изваянными
выпуклостями. Но лицо его,
приобретшее оливковый оттенок при
свете масляного фитиля, выражало
спокойную радость. Голова была
повязана пунцовым платком,
украшенным снизками бус. Однако
более всего поразился Ти Ноэль,
узнав, какую долгую и кропотливую
работу проделал мандинга со дня
своего бегства. Похоже было, что

однорукий обошел одно за другим все поместья Равнины, вступив в прямые сношения с трудившимися там рабами. Так, Макандаю было известно, что на плантации индиго в долине Дондон можно считать верными людьми Олаина — огородника, Ромену, кухарку, стряпавшую на черных, кривого Жана-Пьерро; в поместье Ленормана де Мези он известил троих братьев Понге, недавно купленных рабов из племени конго, колченогого негра из племени фула и Маринетту, мулатку, которая раньше спала в хозяйской постели, а теперь вернулась к котлам прачечной, поскольку в поместье прибыла некая мадемуазель де ла

Мартиньер, перед отъездом в колонию заочно обвенчанная с мосье Ленорманом де Мези в одном гаврском монастыре. Однорукий сговорился также с двумя неграми из племени ангола, работавшими в поместье по ту сторону горы, прозванной Епископской Митрой; на ягодицах обоих среди рубцов, оставленных розгами, красовались клейма, выжженные каленым железом в наказание за кражу водки. Знаками, расшифровать которые был в состоянии он один, Макандаль пометил у себя в списке имя Бокора из Мийо и даже имена проводников, переправлявших караваны через горный хребет, ибо он рассчитывал

при их посредничестве вступить в сношения с людьми из долины реки Артибонит.

Во время этой встречи Ти Ноэль услышал, чего хочет от него однорукий. В то же самое воскресенье, вернувшись от мессы, хозяин узнал, что две лучшие в стаде молочные коровы — белохвостки, вывезенные из Руана — вот-вот околеют на кучах собственного навоза, а из горла у них хлещет желчь. Ти Ноэль объяснил хозяину, что животные из дальних земель не разбираются в здешних растениях и, случается, щиплют ядовитые травы, сочные с виду, отчего отравы проникает им в кровь.

V. De profundis [\[48\]](#)

Яд растекался по всей Северной равнине, не минуя ни одной конюшни, ни одного коровника. Неведомым путем проникал он в мятлик, в испанский клевер, пробирался в охапки сена, оказывался в яслях. Во всяком случае, коровы, быки, молодняк, лошади, овцы околевали сотнями, и над краем навис неистребимый запах тления. В сумерках зажигались огромные костры, над которыми стлался низкий жирный дым, а когда костры выгорали, на их месте оставались кучи почернелых бычьих

черепов, обугленные ребра, порыжевшие в пламени копыта. Тщетно опытейшие знатоки трав из Кап-Франсэ искали листья, соки, смолы, в коих могла таиться отрава. Животные околевали одно за другим, и над вздувшейся падалью, жужжа, роились зеленые мухи. На кровлях сидели стаями большие черные птицы с лысым черепом, ждали своего часа, чтобы камнем прыгнуть вниз и, прорвав ударом клюва натянувшуюся до предела шкуру, добраться до новой порции разлагающегося мяса.

Вскоре стало известно, ко всеобщему ужасу, что яд проник в дома. Как-то после полудня владелец

поместья Кок-Шант надкусил плюшку и вдруг повалился на пол, даже не почувствовав боли и сбив своей тяжестью стенные часы, которые в этот миг заводил. Новость еще не успела облететь соседние поместья, а яд уже косил их хозяев с молниеносной быстротой, притаившись, чтоб разить наверняка, в стакане воды на ночном столике, в миске супа, в пузырьке с лекарством, в хлебе, вине, плодах, соли. День и ночь слышался жутковатый стук – то заколачивали крышки гробов. Из-за любого поворота могло появиться погребальное шествие. В церквях Кап-Франсэ служили только заупокойные мессы, и причт со

святыми дарами всегда приходил к смертному одру слишком поздно, а вдали гудели колокола, снова и снова звоня по усопшим. Священникам пришлось сократить отпевание, ибо слишком длинна была траурная очередь. Над Равниной стоял скорбный гул отходной, но то была не просто молитва, то был еще великий гимн ужаса. Ибо ужас высосал колонистам лица, перехватил глотки. Под сенью серебряных крестов, качавшихся над похоронными процессиями, зеленый яд, яд желтый и яд бесцветный, бесследно растворявшийся в воде, творил свое дело, просачиваясь по дымоходу в кухонный очаг,

пробираясь сквозь щели запертых дверей, словно вьюнок, неумоимо дающий побег, но ищущий мрака, ибо мраку могил обрекает он все живое. Хоры певчих, не умолкая, выводили леденящие душу антифоны, от «Miserere» [\[49\]](#) до «De profundis».

Озлобившись от страха, ошалев от вина, ибо никто не решался более утолять жажду водой из колодца, белые господа пытали и истязали рабов, чтобы выведать тайну яда. Но яд по-прежнему хозяйничал в семьях белых, унося взрослых и детей, и ничто — ни молебны, ни наставления лекарей, ни благочестивые обеты, ни бесплодная ворожба моряка-бретонца, знахаря и чернокнижника,

не могли остановить потаенное шествие смерти... Мадам Ленорман де Мези успела, хоть и не по своей воле, занять последний свободный уголок на кладбище; она скончалась в воскресенье, пришедшееся на троичин день, прельстившись на редкость красивым апельсином, который чрезмерно услужливая ветка совала ей прямо в руки. По всей Равнине было объявлено осадное положение. Согласно распоряжению властей солдаты могли без предупреждения стрелять из мушкетов во всякого, кто будет замечен в полях или поблизости от жилья после захода солнца. Гарнизон Капа промаршировал по всем

дорогам Равнины смехотворным предупреждением неуловимому противнику, которому угроза смертью была нипочем, ибо он сам был ее носителем. Яд по-прежнему самым неожиданными путями находил доступ к устам. Семейство дю Периги, состоявшее из восьми человек, он настиг, забравшись в бочонок с сидром, а между тем бочонок был доставлен в дом членами семьи собственноручно прямо из трюма корабля, лишь недавно ошвартовавшегося в порту. Трупный запах висел над провинцией.

В один прекрасный день колченогий фула, которому

пригрозили вбить в зад заряд пороху, заговорил. Властитель яда — однорукий Макандаль, он стал унганом [\[50\]](#) культа Рада и обладает необычайным могуществом, ибо верховные божества не раз переселялись в его плотскую оболочку. Волею потусторонних владык облеченный высшей властью, он объявил белым великую и беспощадную войну, ибо он избран богами, дабы покончить с белыми и создать на острове Сан-Доминго великое государство свободных негров. Среди рабов его приверженцы насчитываются тысячами. Никому не остановить победного шествия яда. После этого

сообщения по всей усадьбе замелькали, засвистели бичи. И не успело еще остыть то, что осталось от не в меру говорливого негра, — порох все-таки запалили, просто от ярости, — как в Кап-Франсэ уже мчался нарочный. В тот же день собрали всех мужчин, способных держать оружие, и снарядили отряды на поиски Макандаля. Равнина, смердящая тухлятиной, жженым рогом, червивой падалью, огласилась лаем собак и кощунственной бранью.

VI. Метаморфозы

Несколько дней подряд солдаты столичного гарнизона и отряды, состоявшие из колонистов, их управляющих и экономов, обшаривали провинцию роща за рощей, овраг за оврагом, камышник за камышником, но на след однорукого так и не напали. Впрочем, как только стало известно, откуда взялся яд, его триумфальное шествие прекратилось, и он вернулся в сосуды, которые Макандаль скорее всего зарыл в земле где-нибудь в тайном месте, и там, во тьме земных недр, от яда, отправившего в эти недра и в эту темь столько жизней,

остались лишь пузырьки пены. Собаки и люди возвращались из лесу в сумерках, ошалеv от усталости и досады. Теперь, когда смерть снова стала собирать свою дань в обычных пределах, возраставших разве что в январскую непогоду да в период дождей с его непременными лихорадками, колонисты предавались игре и пьянству, ибо вынужденное житье бок о бок с солдатней сказывалось на них не лучшим образом. Распевая непристойные куплеты и не упуская случая передернуть карту, собутельники тискали груди негритянкам, подававшим чистые стаканы, и вспоминали подвиги

дедов, которые приняли участие в разграблении вест-индской Картахены [\[51\]](#) и запустили лапы в испанскую королевскую казну, когда Пит Хейн, по прозвищу «Деревянная Нога», обстригал в кубинских водах знаменитое дельце, почти два столетия занимавшее воображение корсаров. Над залитыми вином столами под стук игральных костей сдвигались бокалы в честь д'Эснамбюка, Бертрана д'Ожерона, дю Росссе [\[52\]](#), в честь удальцов, которые создали колонию на свой страх и риск, возведя собственную волю в закон, как подобает мужчине, и нимало не считаясь с изданными в Париже эдиктами и умеренными

предостережениями Черного Кодекса [53]. Собаки, избавленные от строгих ошейников, спали под скамьями.

Облавы на Макандаля затевались все реже и велись весьма нерадиво, с передышками, во время которых люди бражничали либо дремали в тени под деревьями. Прошло несколько месяцев, но вестей об одноруком не было. Иные полагали, что он скрывается далеко от побережья, в затянутых облаками кряжах Центрального плато, где негры пляшут фанданго под стук кастаньет. Другие возражали, что унган уплыл на шхуне и теперь занимается своим делом в краю Жакмель, куда часто попадают люди

после смерти и где они обречены
возделывать землю, пока им не
удастся вкусить соли [\[54\]](#). Как бы то
ни было, негры вели себя с
вызывающей веселостью.
Невольники, которые должны были
задавать темп во время обмолота
кукурузы или рубки сахарного
тростника, никогда еще не били в
барабаны с таким упоением. По
вечерам в своих лачугах и хижинах
негры с великим ликованием
передавали друг другу диковинные
вести: на крыше табачной сушильни
грела спину на припеке зеленая
игуана; кто-то видел, как средь бела
дня пролетел ночной мотылек;
большой взъерошенный пес

промчался во всю прыть по господскому дому и утащил олений окорок; на задний двор залетел пеликан, — а ведь от моря до этих мест неблизко, — сел на беседку, увитую виноградной лозой, и затряс крыльями так, что посыпались вши-пухоеды.

Все знали, что зеленая игуана, ночной мотылек, приبلудная собака, удивительный пеликан — всего лишь обличья. Одаренный властью превращаться в зверя, в птицу, в рыбу и в насекомое, Макандаль то и дело наведывался в поместья Равнины, приглядывал за своими приверженцами, проверял, ждут ли они еще его возвращения. В

непрерывной смене обличий
однорукий становился вездесущим и,
переходя в тела животных, вновь
обретал целостность членов вопреки
своему увечью. Сегодня у него были
крылья, завтра плавники, он то
мчался галопом, то полз на брюхе,
ему принадлежали потоки
подземных вод, и прибрежные
пещеры, и вершины деревьев — он
был владыкой всего острова. Власть
его отныне была безгранична. Он мог
покрыть кобылу, мог плескаться в
прохладном водоеме, опуститься на
тонкую ветку акации, влететь в дом
сквозь замочную скважину. Псы на
него не лаяли, своей тенью он
распоряжался как хотел. По его

прихоти у одной негритянки
народился мальчик с кабаньей
головой. В ночную пору Макандаль
обычно являлся на дорогах в обличье
черного козла; рога козла унижены
были раскаленными угольками.
Придет день, когда по знаку
мандинги начнется великое
восстание, и Властители Иного мира,
предводимые Дамбалла, и Хозяином
Дорог [\[55\]](#), и Огуном, Господином
Железа [\[56\]](#), пошлют громы и молнии
и обрушат на остров бурю, которая
довершит дело, начатое людьми. В
тот великий час, говорил Ти Ноэль,
кровь белых потечет ручьями и лоа,
охмелев от восторга, припадут к тем
ручьям и будут пить, пока не

напьются вволю.

Четыре года длилось напряженное ожидание; не теряя надежды, рабы настороженно вслушивались, ибо в любой миг мог прозвучать с гор трубный зов больших раковин, возвещая, что Макандаль прошел до конца путь превращений и снова, поджарый и крепкий, стоит, гордясь мужской силой, на своих человеческих ногах.

VII. Обличье человека

На некоторое время прачка Маринетта вернулась в господскую опочивальню, но вскоре мосье Ленорман де Мези вступил в брак вторично, женившись на одной вдове, богатой, хромой и богобоязненной, с которой свел его священник из Лимонада. По сей причине, когда наступил декабрь и задули северные ветры, домашняя челядь, повинувшись мановениям хозяйкиной клюки, принялась расставлять прованские статуэтки святых вокруг грота из папье-маше, от которого все еще пахло непросохшим клеем, — этот грот хозяйка собиралась выставить к

рождеству под навесом одного из парадных входов с колоннадой и осветить свечами. Столяр Туссен выточил из дерева царей-волхвов, но они оказались слишком большими по сравнению со всеми остальными фигурками, их было никак не приладить, и к тому же глаза у Вальтасара получились жутковатые: белые глазные яблоки — Туссен специально их подкрасил — тарасились из тьмы черного дерева, страшные и выкаченные, словно белки удушенника. Ти Ноэль и прочие рабы мосье Ленормана де Мези наблюдали за тем, как продвигается сооружение рождественских яслей, памятуя, что

близится время подарков и торжественных месс, время, когда хозяева будут сами ездить в гости и принимать гостей, так что рабам заживется вольготнее и нетрудно будет стянуть свиное ухо на кухне, приложиться к крану винной бочки либо прокрасться ночью в барак к негритянкам из Анголы, которых недавно купили и которых хозяин собирался отведать только после праздников, как подобает доброму христианину. Впрочем, Ти Ноэль знал, что в этом году не увидит, как зажгутся свечи, украшающие грот, и заблестит сусальное золото. Он собрался отлучиться в эту ночь, отправиться в дальнее поместье

Дюфрене, рабы которого будут праздновать рождение первого сына в господском доме и получают по чарке испанской водки на брата.

Roule, roule, Congoa, roule!
Roule, roule, Congoa, roule!
Roule, roule, Congoa, roule!
A for ti fille ya danse congo
ya-ya-ro! [\[57\]](#)

Более двух часов гремели барабаны при свете факелов, и женщины, поводя плечами, без конца имитировали движения прачки, полощущей белье, когда от неожиданности голоса поющих на

мгновение дрогнули. За Главным Барабаном возник Макандаль в своем прежнем виде. Мандинга. Человек. Однорукий. Макандаль Возвратившийся. Макандаль Долгожданный. Никто его не приветствовал, но все взгляды встретились с его взглядом. И замелькали чарки с водкой, переходя из рук в руки на пути к единственной руке мандинги, ибо каждый понимал, что унгана томит великая жажда. Ти Ноэль видел его впервые после всех его превращений. Казалось, в облике однорукого осталось что-то от его таинственных странствований из тела в тело, от той поры, когда его облежала чешуя,

щетина либо руно. В очертаниях заостренного подбородка было что-то кошачье, а уголки глаз немного приподнимались к вискам, как у птиц, в обличье которых он побывал. Женщины хороводом проплывали перед Макандалем, удаляясь и возвращаясь, и тела их изгибались в пляске. Но воздух наполнило такое множество немых вопросов, что внезапно, без всякого сговора, голоса слились в гимн «янвалу», жалобным воплем вознесшийся к небу под торжественную дробь барабанов. Четыре года ждали они, и гимн напоминал о бессчетных муках:

Yenvalo moin, Papa!

Moin pas mange q'm bambo!
Yanvafou, Papa, yanvalou
moin!
Ou vlai moin lave chaudier?
Yenvalo moin! [\[58\]](#)

До каких пор мне скрести
котлы? До каких пор мне жевать
бамбук? Вопросы рвались словно из
самого нутра, перебивали друг друга,
и в хоре голосов слышался
надрывный стон, испокон веков
звучавший в напевах племен,
угнанных на чужбину и обреченных
воздвигать там мавзолеи, башни либо
бесконечные стены. Отче, о мой
отче, нет дороге конца! Отче, о мой

отче, нет мукам конца! Всецело отдавшись жалобам, Ти Ноэль позабыл, что у белых тоже есть уши. А уши у белых были, и потому в это самое время во дворе перед господским домом мужчины семейства Дюфрене прилежно заряжали все мушкеты, мушкетоны и пистолеты, которые украшали прежде ковры на стенах гостиной. А для вящей надежности был припасен целый арсенал дубинок, ножей и рапир, переданный в распоряжение женщин, которые уже творили молитвы и обеты, прося бога о пленении мандинги.

VIII. Великий полет

В один из понедельников января незадолго до рассвета первые партии рабов из поместий Северной равнины вступили в Кап-Франсэ. Впереди верхами ехали хозяева и управляющие, по бокам шли стражники, вооружившиеся, как перед боем, и черная масса медленно заполняла Городскую площадь под торжественную дробь армейских барабанов. Несколько солдат складывали охапки поленьев у подножия столба из кебрачо, в то время как другие раздували угли, тлеющие на жаровне. На паперти Кафедрального собора под траурным

пологом, натянутым на жерди и поперечные брусья, в высоких красных креслах восседали члены капитула, а также сам губернатор, королевские судьи и должностные лица. Балконы пестрели легкими зонтиками, зонтики колыхались, яркие и беспечные, словно цветы, выставленные на подоконник. Дамы в митенках и с веерами громко переговаривались, словно из разных лож обширного театра, и голоса их от волнения очаровательно вздрагивали. Обитатели домов, выходявших окнами на площадь, заранее велели приготовить для своих гостей прохладительные напитки — лимонад и оршад. Внизу толпа все прибывала;

обливаясь потом, невольники ждали, когда начнется зрелище, задуманное специально для них, парадное представление для черных, которое белые люди обставили весьма пышно, не пожалев затрат. Ибо на сей раз учить уму-разуму собирались не розгами, а огнем, и нужно было, чтобы рабам навсегда запомнилась иллюминация, которая обошлась весьма недешево.

Внезапно все веера разом закрылись. Грохот барабанов сменился глубокой тишиной. Обнаженный до пояса, в полосатых штанах, стянутый и опутанный веревками, блестя незапекшейся кровью свежих ран, к столбу,

высившемся посреди площади, шел Макандаль. Хозяева испытующе поглядели на рабов. Но лица последних являли возмутительное равнодушие. Что понимают белые в делах негров? Во время своих превращений Макандаль не раз проникал в таинственный мир насекомых, и тогда взамен утраченной руки у него отрастали членистые лапки, жесткие надкрылья и перепончатые крылья либо длинные усики. Он был мухой, сороконожкой, пяденицей, термитом, тарантулом, божьей коровкой и даже крупным зеленоватым светляком. В решающий момент мандинга станет невидим — путы, которыми

прикрутят его к столбу, мгновение будут сжимать воздух, храня очертания исчезнувшего тела, а затем, скользя вдоль столба, падут к его подножию. Сам же Макандаль, обратившись в тонкоголового комара, сядет прямо на треуголку самого начальника гарнизона, чтобы вдоволь натешиться смятием белых. Хозяева не знали, что так будет, потому и истратили кучу денег на бесполезное представление, которое докажет, что им не под силу тягаться с помазанником великих Лоа.

Макандаль был уже прикручен к пыточному столбу. Палач щипцами взял из жаровни раскаленный уголек. Повторяя движение

отрепетированное накануне перед зеркалом, губернатор обнажил парадную шпагу и распорядился приступить к исполнению приговора. Огонь стал подбираться к телу однорукого, лизнул ему голень. И тогда культя, которую не удалось прикрутить к спине, дернулась в угрожающем движении, страшном при всей своей незавершенности, и Макандаль что было мочи рванулся вперед, выкрикивая непонятные заклинания. Путы упали, тело негра взметнулось в воздух и, пролетев над головами рабов, исчезло в черных людских волнах. Единый крик заполнил площадь:

— Mackandal sauve! [\[59\]](#)

И поднялись шум и суматоха. Стражники молотили прикладами по вопящей черной толпе, рабы, казалось, уже не вмещались в пространстве между домами, многие карабкались по стенам к балконам. И таковы были гомон, и грохот, и давка, что лишь немногие видели, как солдаты, числом не менее десятка, навалились на Макандаля, как его бросили в огонь, как пламя взметнулось высоко вверх, охватив волосы мандинги и заглушив его предсмертный вопль. Когда рабы опомнились, костер горел, как горит любой костер, если дрова попались хорошие, и добрый дым стоял над костром, и морской бриз относил

ЭТОТ ДЫМ К БАЛКОНАМ, ГДЕ ДАМЫ, ПОТЕРЯВШИЕ СОЗНАНИЕ, — А ТАКОВЫХ БЫЛО НЕМАЛО, — УЖЕ ПРИХОДИЛИ В СЕБЯ. СМОТРЕТЬ БЫЛО БОЛЬШЕ НЕ НА ЧТО.

В ТОТ ДЕНЬ, ВОЗВРАЩАЯСЬ В ПОМЕСТЬЯ, РАБЫ СМЕЯЛИСЬ НА ПРОТЯЖЕНИИ ВСЕГО ПУТИ. МАКАНДАЛЬ СДЕРЖАЛ ОБЕЩАНИЕ, ОН ОСТАЛСЯ В ЦАРСТВЕ ЗЕМНОМ. МОГУЧИЕ СИЛЫ ИНОГО МИРА ЕЩЕ РАЗ ПРОВЕЛИ БЕЛЫХ ЛЮДЕЙ. И В ТОТ ЧАС, КОГДА МОСЬЕ ЛЕНОРМАН ДЕ МЕЗИ В НОЧНОМ КОЛПАКЕ БЕСЕДОВАЛ СО СВОЕЮ БЛАГОЧЕСТИВОЙ СУПРУГОЙ О ТОМ, СКОЛЬ БЕСЧУВСТВЕННЫ НЕГРЫ К МУКАМ СЕБЕ ПОДОБНЫХ, И НА СЕМ ОСНОВАНИИ ДЕЛАЛ ФИЛОСОФИЧЕСКИЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ О НЕРАВЕНСТВЕ РАС ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ,

каковые заключения соби́рался изложить подробнее в речи, обильно уснащенной латинскими цитатами, — в тот самый час Ти Ноэль наградил близнецами одну из кухонных девчонок, троекратно познав ее на сене яслей в конюшне.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«...je lui dis, qu'elle serait reine la-bas; qu'elle irait en palanquin, qu'une esclave serait attentive au moindre de ses mouvements pour executer sa volonte; qu'elle se promenerait sous les orangers en fleurs; que les serpents ne devraient lui faire aucune peur, attendu qu'il n'y en avait pas dans les Antilles; que les sauvages n'etaient plus a craindre; que ce n'etait pas la que la broche etait mise pour r  tir

*les gens; enfin j'achevais
mon discours en lui disant
qu'elle serait bien jolie mise
en crüole. [\[60\]](#)*

*Madame
D'Abrantes*

I. Дщерь Миноса и Пасифаи [\[61\]](#)

Вскоре после кончины второй супруги мосье Ленормана де Мези Ти Ноэлю случилось отправиться в Кап за траурной сбруей, выписанной из Парижа. В те годы город похорошел на диво. Почти все дома были двухэтажные, балконы под широкими маркизами огибали углы зданий, двери были высокие, арочные, украшенные изящно сработанными засовами либо петлями в форме трилистника. Стало больше портных, шляпников, плюмажистов, цирюльников;

открылась лавка, где продавались виолы и флейты, а также ноты контрдансов и сонат. Книготорговец выставил последний номер «Gazette de Saint Domingue» [\[62\]](#), отпечатанный на тонкой бумаге, с заставками и виньетками. И вдобавок ко всем прочим роскошествам на улице Водрей открылся театр, где давали драмы и оперы. Всеобщее процветание оказалось особенно благотворным для улицы Испанцев, ибо самые состоятельные приезжие останавливались в помещавшейся там гостинице «Корона», которую Анри Кристоф, непревзойденный кухмистер, недавно откупил у мадемуазель Монжон, бывшей своей

хозяйки. Кушанья, состряпанные негром, стяжали похвалы изысканностью приправ — когда нужно было ублажить посетителя, прибывшего из Парижа, либо обилием ингредиентов в олье-подриде [63] — когда приходилось угождать вкусам зажиточного испанца, из тех, что приезжали с другой оконечности острова и рядились в костюмы столь старомодные, что они смахивали на одеяния буканьеров былых времен. Равным образом следовало признать, что, когда Анри Кристоф, водрузив себе на голову высокий белый колпак, трудился в дымной кухне, он не имел себе равных в искусстве

запечь черепаху в тесте либо протушить в вине витютня. А когда он брался за скалку, из рук его выходили пирожные, благоухание которых разносилось далеко за пределами улицы Трех Ликов.

Вторично овдовев, мосье Ленорман де Мези не сохранил ни малейшего почтения к памяти покойной и зачастил в городской театр, где настоящие парижские актрисы пели арии Жан-Жака Руссо либо скандировали с отменным благородством александрийский стих трагедий, отирая пот в цезуре меж полустияшьями. Анонимный памфлет в стихах, клеймивший непостоянство иных вдовцов, поведал в ту пору всем

и вся, что один богатый землевладелец из Северной равнины имеет обыкновение услаждать свои ночи пышными фламандскими прелестями некоей мадемуазель Флоридор, без успеха подвизающейся на ролях наперсниц, значащейся неизменно в конце афиши, но великой искусницы по альковной части. По ее наущению в конце театрального сезона хозяин внезапно отбыл в Париж, оставя поместье на попечение одного родственника. В Париже, однако, с ним приключилась престранная вещь: весьма скоро он ощутил, что ему все более и более недостает солнца, простора, изобилия, власти, негритянок,

которых можно прижать на берегу у ручья, и он понял, что это «возвращение во Францию», во имя которого он старался столько лет, не составит более его счастья. И как ни клял он колонию, как ни поносил ее климат, как ни возмущался неотесанностью иных колонистов с темным прошлым, он вернулся к себе в имение вместе с актрисой, отвергнутой всеми театрами Парижа по причине скудости ее сценических дарований. Таким-то образом в воскресные дни на дорогах Равнины вновь появились два великолепных экипажа, которые направлялись в Кафедральный собор Капа, с лакеями в парадных ливреях на запятках. В

коляске мадемуазель Флоридор — комедиантка требовала, чтобы ее именовали театральным псевдонимом, — на заднем сиденье теснилась и ерзала ее свита, десять мулаток в голубых юбках, щебетавших без умолку в чисто женском возбуждении от движения и от вольного воздуха.

Так миновали двадцать лет. Ти Ноэль прижил дюжину детей от одной из кухарок. Имение процветало, как никогда, дороги были обсажены ипекакуаной, виноградники уже давали первое вино. Однако с годами мосье Ленорман де Мези превратился в самодура и пьяницу. Находясь

постоянно во власти маниакальной похоти, он все время подстерегал еще не вышедших из отрочества невольниц, цвет кожи и запах которых действовал на него возбуждающе. Все чаще и все с большим удовольствием подвергал он телесному наказанию мужчин, особенно тех, кто был уличен в прелюбодейных делах. Что до актрисы, увядшей и замученной малярией, она так и не утешилась после неудачи, постигшей ее на подмостках, и, вымещая злость на негритянках, которые купали ее и причесывали, отправляла их под розги по малейшему поводу. Иногда вечерами она напивалась допьяна.

Тогда случилось, что она посреди
ночи приказывала поднять всех рабов
и, рыгая мальвазией, декламировала,
разыгрывая перед ними великие
роли, которых ей не пришлось
исполнить на сцене. Драпируясь в
покровы наперсницы, робкой
прислужницы, следующей за
госпожой, она своим надтреснутым
голосом пыталась одолеть славные
монологи трагических героинь:

Mes crimes desormais ont
comble la mesure.

Je respire a la fois l'inceste et
l'imposture.

Mes homicides mains,
promptes a me venger,

Dans le sang innocent brelent
de se plonger [\[64\]](#).

Негры дивились и ничего не понимали, но, уловив несколько слов, которые и в креольском наречии обозначают провинности, караемые всевозможными наказаниями, от обычной порки до отсечения головы, рабы в конце концов пришли к убеждению, что дама в белом, по-видимому, совершила когда-то немало злодеяний и, возможно, укрывается в колонии от преследований французской полиции, подобно многим девицам легкого поведения

из Кап-Франсэ, за коими в метрополии числятся разные дурные дела. Слово «грех» на жаргоне рабов звучало почти так же, как по-французски; все знали, как будет на языке белых «судья», что же касается ада, где обитают черти, краснорожие и с рогами, о нем негры были наслышаны от второй супруги мосье Ленормана де Мези, суровой блюстительницы нравов. Признания женщины в белом одеянии, просвечивающем при факелах, вряд ли могли учить добродетели:

Minos, juge aux enfers tous
les pales humains!

Ah, combien fremira son

ombre epouvantee,
Lorsqu'il verra sa fille a ses
yeux presentee,
Contrainte d'avouer tant de
forfaits divers
Et de crimes peut-etre
inconnus aux enfers! [\[65\]](#)

Столь великие непотребства
претили рабам из поместья
Ленормана де Мези, и они, как
прежде, чтили Макандаля. Ти Ноэль
пересказывал своим детям предания,
которые слышал от мандинги и учил
их нехитрым песенкам, которые
сложил в честь однорукого в те часы,
когда чистил скребницей лошадей и

расчесывал им навис. Притом же нелишне было поминать Макандаля почаще, потому что Макандаль, хоть он и оставил эти края ради дел великой важности, вернется, и как раз тогда, когда его менее всего будут ждать.

II. Великий договор

Раскаты грома, казалось, сыпались грохочущей лавиной со скал Морн-Руж, отдаваясь долгим эхом в глубине оврагов, когда посланцы рабов из всех поместий Северной равнины сошлись в чащобе Буа-Кеман, по пояс вымазавшись в жидкой грязи и дрожа в своих мокрых рубахах. Вдобавок ко всему, после вечернего отбоя еще сильнее припустил августовский ливень, то теплый, то холодный, в зависимости от направления ветра. Штаны Ти Ноэля прилипли к бедрам, голову он пытался прикрыть джутовым мешком, сложенным наподобие

капюшона. Несмотря на темень, можно было поручиться, что среди собравшихся не затесалось ни одного лазутчика. Посланцев оповестили в самый последний миг и через надежных людей. Разговоры велись шепотом, и все же лес полнился гулом голосов, сливавшимся с шумом ливня, который безостановочно барабанил по листьям деревьев, содрогавшихся от ветра.

Внезапно среди сборища теней раздался чей-то мощный голос. Голос, обладавший даром переходить внезапно от самых низких регистров к самым высоким, что придавало словам удивительную силу выражения. Речь звучала гневом,

переходила в крик — говоривший, казалось, творил заклинания, выкликал магические слова. Голос этот принадлежал Букману, негру с острова Ямайки. Гром заглушал целые фразы, но все-таки Ти Ноэль разобрал, что во Франции будто бы что-то произошло и очень важные господа объявили, что надо дать свободу неграм, но богачи из Кап-Франсэ, все сплошь монархисты и сукины дети, не хотят. Дойдя до этого места, Букман смолк, словно выжидая, ибо над морем полыхнула молния; несколько мгновений слышно было только, как шумит дождь в ветвях. Затем, когда гром отгремел, Букман поведал, что

великие африканские Лоа и те из негров, кто сопричастен их тайнам, заключили меж собой договор, дабы война началась при благоприятных знамениях. И, покрывая слышавшиеся отовсюду возгласы ликования, прозвучали заключительные слова:

— Бог белых велит им совершать преступления. Наши боги требуют мести. Они направят наши руки и помогут нам. Разбейте образ бога белых, он жаждет наших слез; вслушайтесь в самих себя, и вы услышите зов свободы.

Посланцы забыли про дождь, хотя потоки воды стекали по лицам на грудь, ползли к животу и

отсыревшая кожа поясов врезалась в тело. Неистовый вопль прорвался сквозь грохот бури. Рядом с Букманом худощавая негритянка, длинноногая и длиннорукая, вращала в воздухе ритуальным мачете:

Fai Ogun, Fai Ogun, Fai
Ogun, oh!

Damballah m'ap tire canon!

Fai Ogun, Fai Ogun, Fai
Ogun, oh!

Damballah m'ap tire canon!

[\[66\]](#)

Огун повелитель железа, Огун воин; Огун повелитель наковальни, Огун кузнец; Огун владыка копий,

Огун Чанго, Огун Канканикан, Огун Батала, Огун Панама, Огун Бакуле — ко всем ипостасям божества взывала жрица культа Рада, а хор теней гремел:

Ogun Badagri,
General sanglant,
Saizi z'orage
Ou scell orage
Ou fait Kataoun z'eclai! [\[67\]](#)

Мачете внезапно вонзился в брюхо черного борова, боров трижды взвизгнул, и из зияющей раны вывалились потроха. Тогда посланцы, сменяя друг друга, по одному

предстали перед Букманом — их вызывали по именам хозяев, поскольку фамилий у рабов не было, — и смочили губы кровью борова, пенившейся в большой деревянной миске. Затем они простерлись ниц на мокрой земле. Ти Ноэль, как и все остальные, принес Букману присягу на вечную верность. Негр с Ямайки обнял Жана-Франсуа, Биассу, Жанно, этим троим уже не нужно было возвращаться к хозяевам. Так был создан штаб мятежников. Через неделю будет подан сигнал. Вполне возможно, что удастся заручиться некоторой помощью со стороны испанских колонистов, живущих на

другой половине острова и люто ненавидящих французов. А так как нужно было составить воззвание, писать же никто не умел, вспомнили про гибкое гусиное перо аббата-вольтерьянца по фамилии де ла Э, приходского священника из Дондона, который, ознакомившись с Декларацией прав человека, стал проявлять самые убедительные признаки приязни к чернокожим.

Поскольку от дождя вода в реках поднялась, Ти Ноэлю пришлось пуститься вплавь через зеленый от водорослей ручей, чтобы поспеть в конюшню раньше, чем проснется управляющий. Когда зазвенел колокол утренней побудки, Ти Ноэль

сидел в яслях и распевал песню,
зарывшись по пояс в ворох
свежесрезанного дрека, пропахшего
солнцем.

III. Зов раковин

Со времени своей последней поездки в Кап мосье Ленорман де Мези пребывал в прескверном расположении духа. Губернатор Бланшланд [\[68\]](#), разделявший его монархические убеждения, был крайне раздосадован праздными бреднями безмозглых утопистов, которые сокрушались в Париже об уделе чернокожих рабов. Разумеется, легко и приятно мечтать о равенстве людей всех рас во время прогулки по галереям Пале-Рояля либо за столиком кафе «Режанс» меж двумя партиями в фараон. Если судить по эстампам с видами портовых городов

Вест-Индии, украшенным розой ветров и пухлощеками тритонами; по гравюрам Авраама Бруниаса, изображающим томных мулаток, нагих негритянок, занятых стиркою, либо послеобеденный отдых в банановой роще; если начитаться стихов Парни [\[69\]](#) и откровений савойского викария [\[70\]](#), – куда как просто вообразить себе Сан-Доминго в виде райского вертограда Поля и Виргинии [\[71\]](#), где дыни потому только не растут на деревьях, что могли бы зашибить прохожих насмерть, сорвавшись с такой высоты. Еще в мае Учредительное собрание [\[72\]](#), состоящее из всякого сброда, – либеральная сволочь,

почитатели энциклопедистов, — приняло решение предоставить политические права неграм, родившимся от вольноотпущенников. А теперь вот, когда владельцы поместий в колониях явило» их взорам призрак гражданской войны, сии любомудры в духе Станислава Вимпффена отвечают: «Да сгинут колонии, но да пребудет принцип!»

Было около десяти вечера, когда удрученный такого рода размышлениями мосье Ленорман де Мези направился к сушильне Для табака с намерением опрокинуть какую-нибудь чернокожую Девчонку, ибо в эту пору родители посылали их туда разжиться табачными листьями,

которые негры жуют. Откуда-то издали послышался трубный звук большой раковины. Удивительно было то, что на ее протяжный рев откликнулись другие раковины в лесах и на горах. Им глухо вторил рокот, доносившийся со стороны моря, с плантации близ Мийо. Можно было подумать, что все мурексы, сколько их есть на побережье, все конусообразные «флоридские тритоны», служившие некогда индейцам чем-то вроде рога, все гигантские стромбы [\[73\]](#), подпирающие двери хижин, чтобы они не распахивались сами собою, все раковины, что покоятся, пустые и обызвествленные, на косе Моль,

запели единым хором. Внезапно из самого большого барака в поместье загудела еще одна раковина-рог. Ей ответили более высокие голоса с плантации индиго, из табачной сушильни, куда направлялся мосье Ленорман де Мези, из конюшен. Встревоженный, мосье Ленорман де Мези притаился за зарослями бугенвиллей.

Все двери барачков разом рухнули под напором изнутри. Вооружившись дрекольем, рабы окружили дома надсмотрщиков, расхватили металлический инструмент. Эконом, выбежавший на шум с пистолетом в руке, рухнул первым, мастерок каменщика

раскроил ему горло снизу доверху. Омочив руки в крови белого, негры ринулись к господскому дому, выкрикивая угрозы и суля гибель хозяевам, губернатору, господу богу и всем французам на свете. Но большинство, истомившись слишком долгой жаждой, устремилось в погреб промочить горло. Из кадушек с соленьями ломом вышибли днища. Молодое вино, пенясь, хлынуло из расклепанных бочонков, обдало красными брызгами юбки женщин. Гомоня и толкаясь, рабы рвали друг у друга из рук оплетенные бутылки с водкой, фляги с ромом; опорожнив, разбивали об стену. Слышался хохот, шум перебранок, ноги

оскальзывались на куске душистого майоранового мыла, на маринованных помидорах, каперсах, селедочной икре, позолоченной прогорклым оливковым маслом, которое лилось на плиты пола из прорвавшегося бурдючка. Какой-то негр, раздевшись догола, смеха ради влез в огромную кадуюшку со смальцем. Две старухи переругивались на языке конго, предметом спора был глиняный горшок. С потолочных балок срывали окорока и связки копченой трески. Не вмешиваясь в давку, Ти Ноэль нашел бочонок с испанским вином, приложился губами к крану и долго тянул; кадык ходил ходуном. Затем

вместе со старшими сыновьями он направился в господский дом и поднялся на второй этаж, ибо давно уже не прочь был изнасиловать мадемуазель Флоридор, разглядев во время ночных спектаклей под туникой с узором меандра груди, на которые время так и не смогло наложить свой неизгладимый отпечаток.

IV. Догон в ковчеге [\[74\]](#)

Просидев два дня на дне высохшего колодца, неглубокого, но оттого не ставшего уютнее, мосье Ленорман де Мези, бледный от голода и страха, опасливо высунулся из-за закраины колодезного сруба. В усадьбе стояла тишина. Орда устремилась к Капу, оставляя на своем пути костры, к каждому из которых можно было подобрать название, если приглядеться к обгорелым стенам, служившим основанием дымному столпу; высоко в небе эти столпы сливались друг с другом, образуя арочные своды.

Облачко пыли исчезло за перекрестком Святых отцов. Обойдя вздувшийся труп эконома, хозяин направился к дому. От пожарища, оставшегося на том месте, где прежде были псарни, тянуло чудовищным смрадом: негры свели давние счета, намазав двери варом, чтобы ни одна тварь не смогла уйти. Мосье Ленорман де Мези вошел к себе в спальню. Мадемуазель Флоридор покоилась на ковре, ноги ее были широко раскинуты, из живота торчал серп. Мертвые пальцы еще сжимали ножку кровати, и этот жест злой издевкой перекликался с жестом спящей прелестницы, изображенной весьма вольно на

гравюре, которая называлась «Сон» и украшала альков. Мосье Ленорман де Мези, разразившись рыданиями, рухнул наземь подле тела бывшей актрисы. Затем он схватил четки и стал читать все молитвы, какие знал, не пропустив и той, которой выучился в детстве и которая помогает от цыпок. Так прошло несколько дней, он жил в непрерывном страхе, не смея носа высунуть из дома, а дом был незащищен, был обречен на полное и окончательное разорение; но однажды в окно, выходящее на задний двор, он увидел верхового курьера, курьер осадил коня так резко, что тот ткнулся храпом в

стекло и из-под копыт полетели искры. Вести, которые курьер прокричал в окно, вывели из оцепенения мосье Ленормана де Мези. Орда раздавлена. Голова негра Букмана, позеленевшая голова с отвисшей челюстью, уже кишит червями, красуясь на том самом месте, где некогда обратилась в зловонный пепел плоть однорукого Макандаля. Приняты все меры, дабы полностью истребить бунтующих негров, от коих уцелели отдельные шайки, грабящие одинокие усадьбы. Курьер спешил, и мосье Ленорман де Мези, не располагая временем на то, чтобы предать земле останки супруги, взгромоздился на круп его

лошади, которая потрусила по дороге в Кап. Вдали слышались ружейные залпы. Курьер дал шпоры коню.

Хозяин поспел как раз вовремя, чтобы спасти от мачете Ти Ноэля и еще дюжину рабов, меченных его клеймом; связанные попарно, спина к спине, они вместе с прочими неграми ждали во дворе казармы казни, которую решено было произвести холодным оружием, ибо благоразумие требовало беречь порох. Только эти тринадцать рабов у него и остались, а на невольничьем рынке в Гаване за всю компанию можно было выручить по меньшей мере шесть с половиной тысяч испанских песо. Мосье Ленорман Де

Мези требовал самых мучительных телесных наказаний, но просил отложить казнь, пока он не переговорит с губернатором. Дрожа от бессонницы, от нервного возбуждения, от неумеренного потребления кофе, мосье Бланшланд расхаживал взад и вперед по своему кабинету, украшенному портретом Людовика XVI и Марии-Антуанетты [75] с дофином. Трудно было извлечь точный смысл из его беспорядочного монолога, в котором он то ополчался на философов, то приводил на память выдержки из собственных пророческих писем, отосланных когда-то в Париж, но так и оставшихся без ответа. Мир

становится добычей анархии. Колонии грозит гибель. Негры изнасиловали почти всех девиц из лучших семейств Равнины. Они изорвали немало кружевных сорочек, перемяли немало простыней тончайшего полотна, немало перерезали надсмотрщиков, теперь их не уймешь. Мосье Бланшланд был за полное и всеобщее истребление рабов, равно как и свободных негров и мулатов. Всяк, у кого в жилах течет африканская кровь, будь то квартерон, терцерон, мамелюк, гриф либо марабу [\[76\]](#), подлежит уничтожению. И не следует обольщаться бурной радостью, изъясляемой рабами при виде

рождественских огоньков в святую неделю. Сказал же отец Лаба [77] после первой своей поездки по Антильским островам: негры ведут себя подобно филистимлянам и чтут Догона в ковчеге. И тут губернатор произнес слово, которое мосье Ленорман де Мези до той поры всегда пропускал мимо ушей: «Воду». Теперь колонисту припомнилось, что несколько лет назад некто Моро де Сен-Мери [78], краснорожий адвокат из Капа и большой ерник, собрал кое-какие сведения о ритуальных действиях горных колдунов, отметив при этом, что среди негров встречаются змеепоклонники. Когда это

обстоятельство пришло ему на память, мосье Ленорман де Мези почувствовал беспокойство, ибо понял, что какой-нибудь барабан в иных случаях — не просто козья шкура, натянутая на выдолбленный чурбак, а нечто большее. Стало быть, у рабов есть какая-то тайная религия, связующая их воедино и толкающая на мятежи. Как знать, может статься, все эти годы они у него под носом соблюдали обряды этой религии и в перекличке воскресных барабанов был тайный смысл, а он ничего не подозревал. Но разве могут занимать человека просвещенного нелепые верования дикарей, поклоняющихся змее?...

Совсем пав духом от пессимистических речей губернатора, мосье Ленорман де Мези до сумерек бродил без цели по улицам города. Он долго разглядывал голову Букмана и осыпал ее ругательствами, пока ему не надоело твердить одни и те же непристойности. Сколько-то времени он провел в доме толстухи Луизон, где в патио среди горшков с малангой сидели девицы в белых муслиновых юбках, обмахивая веерами голые груди. Но всюду чувствовалась какая-то тревога. По этой причине мосье Ленорман де Мези направился на улицу Испанцев с намерением выпить в заведении

Анри Кристофа под вывеской «Корона». При виде запертой двери он вспомнил, что Анри Кристоф незадолго до того сменил поварскую куртку на мундир артиллериста колониальных войск. После того как с дома сняли корону из позолоченной латуни, столько лет служившую кухмистеру вывеской, в Капе не осталось места, где порядочный человек мог бы как следует поесть. Перехватив в какой-то таверне стаканчик рому и малость приободрившись, мосье Ленорман де Мези вступил в переговоры с владельцем шхуны, которая перевозила уголь и уже несколько месяцев стояла в Капе на приколе, но

должна была сняться с якоря и отплыть в Сантьяго-де-Куба, как только ее проконопатят, теперь уже скоро.

V. Сантьяго-де-Куба

Шхуна обогнула мыс Кап. Где-то вдали остался город, живший под непрерывной угрозой, ибо мятежные негры уже знали, что испанцы готовы снабдить их оружием, а среди якобинцев есть друзья человечества, которые рьяно встали на их защиту. Покуда Ти Ноэль и его спутники, запертые в кубрике, обливались потом на мешках с углем, пассажиры высшего ранга, собравшись на корме, наслаждались мягким бризом, веявшим над Наветренным проливом [79]. Здесь была певица из новой труппы Капа, в ночь мятежа ее гостиница сгорела, и от всего

гардероба у нее остался только костюм покинутой Дидоны [\[80\]](#); был музыкант, эльзасец родом, ему удалось спасти свои расстроенные клавикорды, пострадавшие от здешнего воздуха, насыщенного морской солью; время от времени он прерывал пассаж из сонаты Жана-Фредерика Эдельмана [\[81\]](#), чтобы полюбоваться летучей рыбой, взметнувшейся над отмелью, усеянной желтыми съедобными ракушками. Список пассажиров довершали маркиз-монархист, два республиканских офицера, владелица кружевной мастерской и священник-итальянец, прихвативший с собой церковную

дарохранительницу.

По прибытии в Сантьяго-де-Куба
мосье Ленорман де Мези в тот же
вечер направился в «Тиволи»,
увеселительное заведение самого
высшего разбора, недавно
открывшееся стараниями первых
французов-эмигрантов: мосье
Ленорман де Мези не выносил
кубинских таверн с их мухоловками
и неизменными мулами на привязи
возле входа. После всех треволнений,
страхов, пертурбации он воспрянул
духом, почувствовав, что очутился в
родной стихии. Лучшие столики
были заняты его старыми друзьями,
все они тоже владели поместьями и
тоже предпочли бегство лезвию

мачете, которое рабы вострили с помощью сахарной патоки. Но вот что было поистине странно: эти люди лишились состояния, Разорились, не ведали, что случилось с половиною их близких, их Дочери, изнасилованные неграми, до сих пор не вполне оправились, — еще бы! — а эмигранты не только не предавались скорби, но словно бы помолодели. В то время как наиболее дальновидные из колонистов, те, кто успел вывезти капиталы из Сан-Доминго, перебирались в Новый Орлеан либо обзаводились кофейными плантациями на Кубе, все прочие, те, кому ничего не удалось спасти, просто радовались

жизни, живя беспорядочно, сегодняшним днем, не зная обязательств и ища повсюду только удовольствия. Вдовец познавал прелести холостой жизни; почтенная матрона с восторгом первооткрывательницы упивалась супружеской неверностью; военные ликовали, ибо не нужно было больше вскакивать с постели, едва забьют зорю; барышни из протестантских семейств изведали соблазны подмоштков, где они появлялись нарумяненные и с мушками на ланитах. Иерархия общественных положений, принятая в колонии, разом рухнула. Теперь превыше всего ценилось умение играть на трубе,

вторить на гобое звукам менуэта, пусть даже бить в треугольник, лишь бы гремел оркестр в «Тиволи». Бывшие нотариусы переписывали ноты; сборщики налогов трудились над декорациями, малевали двадцать колонн храма Соломонова на полотне в двенадцать пядей шириной. В часы сиесты, когда весь Сантьяго спал крепким сном за своими деревянными решетками и коваными дверьми, среди неуклюжих статуй, пылившихся со времени последней процессии в праздник тела господня, в «Тиволи» шли репетиции, и никому не было в диковину, что мать семейства, еще недавно славившаяся благочестием,

поет с томностью в движениях и в
голосе:

Sous ses lois l'amour veut
qu'on jouisse
D'un bonheur qui jamais ne
finisse!... [\[82\]](#)

На ближайшее время был
назначен праздник в пасторальном
вкусе, который в Париже сочли бы
весьма старомодным; дабы
подготовить костюмы, переворошили
содержимое всех сундуков, не
доставшихся грабителям-неграм.
Артистические уборные,
сооруженные из листьев королевской

пальмы, служили приютом
сладостных встреч, благо муж,
баритон, до крайности увлеченный
ролью, не мог покинуть сцены, где
он исполнял бравурную арию из
«Дезертира» Монсиньи [83]. Впервые
в Сантьяго-де-Куба зазвучала музыка
контрдансов и бретонских пассапье.
Последние пары века, которые
донашивали дочери колонистов,
кружились в такт быстрым менуэтам,
уже предвещавшим вальс. В городе
повеяло новым ветром, духом
вольных нравов, фантазии,
беспутства. Молодые креолы [84]
стали подражать эмигрантам в
манере одеваться, предоставляя вечно
отстающие от моды испанские

наряды членам городского совета. Иные кубинские дамы потихоньку от своих исповедников учились французской утонченности, совершенствовались в искусстве показывать ножку, щеголяя изящной туфелькой. Вечером по окончании спектакля мосье Ленорман де Мези, пропустивший немало стаканчиков, вставал из-за стола вместе с остальными и пел гимн святого Людовика и «Марсельезу» [\[85\]](#), как требовал обычай, заведенный самими эмигрантами.

Предаваясь праздности, не в состоянии заставить себя думать о делах, мосье Ленорман де Мези делил теперь время меж картами и

молитвами. Одного за другим он спускал по дешевке своих рабов, чтобы проиграть деньги в каком-нибудь притоне, заплатить по счетам в «Тиволи» или угоститься черной шлюшкой из тех, что промышляли в порту, натыкав туберозы в мелкие завитки волос. Но в то же время, глядя на свое отражение в зеркале, старившееся с неудержимой быстротой, он понимал, что скоро бог призовет его к себе, и ему становилось страшно. Прежде он был масон, но теперь вспоминал с опаскою символические наугольники. По этим причинам Ти Ноэль сопровождал теперь хозяина в собор Сантьяго, где тот обычно

проводил долгие часы, перемежая пламенные обращения к господу стонами и вздохами. Негр в это время спал, устроившись под портретом какого-то епископа, либо шел поглядеть, как репетируют очередной вильянсико [\[86\]](#); репетициями заправлял старичок, которого называли дон Эстебан Салас [\[87\]](#), шумный, сухонький, темнолицый. Было совершенно невозможно понять, чего добивается этот капельмейстер, к которому, как ни странно, все относятся с наружным почтением; чего ради он вводит своих хористов в общий хор поочередно, ведь из-за этого одни поют то, что другие уже спели, а те

поют новое, и получается такая разноголосица, что хоть вон беги. Но, видно, все это было по вкусу причетнику, особе коего Ти Ноэль приписывал весьма высокие церковные полномочия, поскольку тот был при оружии и носил штаны, как все мужчины. Однако же, как ни докучала негру эта нестройная музыка, в которую дон Эстебан Салас вплетал партии валторн, фаготов и дисканты служек, Ти Ноэль находил в испанских церквях что-то очень ему близкое и схожее с «воду», чего никогда не ощущал в храмах Капа, верных заветам святого Сульпиция. Позолота на барочных украшениях, парики из человеческих

волос на статуях Христа, таинственность исповедален, сплошь покрытых лепниной, пес – эмблема доминиканцев, псов господних [\[88\]](#), дракон, попираемый святыми стопами, хряк святого Антония [\[89\]](#), смуглый лик святого Бенедикта, черные статуи богоматери и статуи святого Георгия в котурнах и коротких туниках, в каких французские актеры играли героев классицистической трагедии, пастушьи рожки и свирели, звучавшие во время рождественских ночных богослужений – все это обладало притягательной силой, захватывало воображение, ибо символы, знаки, атрибуты и

персонажи были схожи с теми, которых Ти Ноэль помнил по ритуалам у алтарей хунфоров [\[90\]](#), алтарей, воздвигнутых в честь Дамбалла, бога-змея. И к тому же Сантьяго, святой Иаков, – он и есть Огун Фэ, кузнец, кующий молнии, под знаком которого восстали приверженцы Букмана. Поэтому Ти Ноэль часто на свой лад молился святому Иакову, повторяя слова древнего гимна, который он слышал от Макандаля:

Сантьяго, я сын войны,
Сантьяго,
Поверь мне, я сын войны!

VI. Корабль с собаками

Однажды утром порт Сантьяго-де-Куба огласился лаем. Сотни псов, сосворенных по дюжине, беснуясь, рвались на цепи, скалили пасти, стянутые намордниками, норовя куснуть своих псарей и соседей по своре либо кинуться на людей, глазевших из-за оконных решеток; челюсти смыкались, хватая воздух, и вновь размыкались в тщетном оскале, а псари тащили собак к сходням стоявшего в порту парусника, хлыстом загоняли в трюмы. И все новые своры появлялись, все новые, их приводили надсмотрщики с плантаций, гуахиرو

– белые кубинские крестьяне, егеря в высоких сапогах. Ти Ноэль, по поручению хозяина отправившийся в порт купить султанку, с рыбиной в руке подошел поближе к странному судну, поглядел на огромных псов, которые все шли и шли сворами, по дюжине в каждой, на французского офицера, который считал собак, быстро перекидывая костяшки на счетах.

– Куда их везут? – крикнул Ти Ноэль матросу-мулату, который разворачивал сеть, собираясь затянуть ею отверстие люка.

– Негров жрать! – ответил с хохотом мулат, перекрывая сильным голосом собачий лай.

Ответ мулата, говорившего на креольском наречии [\[91\]](#), был откровением для Ти Ноэля. Со всех ног помчался он к собору, близ паперти которого собирались негры французских колонистов, поджидая, пока хозяева вернутся от мессы. Три дня назад в Сантьяго как раз прибыло семейство Дюфрене, утратив всякую надежду сохранить за собою плантации и покинув поместье, прославившееся тем, что там был схвачен Макандаль. Негры Дюфрене привезли из Капа великие вести.

С самого начала путешествия Полина чувствовала себя почти

королевой на борту этого фрегата, который должен был доставить войска в колонии и шел теперь к Антильским островам, скользя по широким отлогостям волн и ритмично поскрипывая такелажем. Роли державных героинь были не чужды Полине, ибо актер Лафон, ее любовник, не раз декламировал ей, подвывая, самые царственные строки из «Баязета» и «Митридата» [\[92\]](#). Память у Полины была короткая, ей смутно припоминалась строка «под веслами у нас вспененный Геллеспонт» или что-то в этом роде, строка эта вполне могла быть отнесена к белопенной кильватерной струе, которую оставлял за собою

«Океан», шедший под всеми парусами и с развернутыми вымпелами. Впрочем, теперь с каждой переменной ветра из памяти Полины вылетало несколько александрийских двустий. Ей следовало поразмыслить о более существенных предметах во время этого путешествия, начало которого — и отправка целого войска — несколько задержалось из-за невинной прихоти Полины, решившей путь из Парижа в Брест проделать в портшезе. В запечатанных сургучом плетеных корзинках хранились фуляры, привезенные с острова святого Маврикия, корсажи в пасторальном

стиле, полосатые муслиновые юбки, которые Полина собиралась обновить в первый жаркий день, ибо располагала подробнейшими сведениями о модах в колонии, полученными от герцогини д'Абрантес. За всем тем путешествие было не лишено приятности. Когда фрегат миновал негостеприимные воды Бискайского залива, на первую мессу, которую капеллан служил на баке, собрались все офицеры в парадных мундирах во главе с генералом Леклерком [\[93\]](#), супругом Полины. Среди офицеров были красавцы хоть куда, и Полине, которая при всей своей молодости знала толк в мужчинах, сладостно

льстило растущее вожделение, скрывавшееся за знаками почтительного восхищения и изъявлениями учтивости. Она знала, что ночами — все более и более звездными, по мере того как корабль удалялся от берегов Европы, — когда высоко на мачтах качаются фонари, сотни мужчин мечтают о ней в каютах, на баке, в кубриках. Поэтому она и любила в утренние часы стоять в притворной задумчивости на носу фрегата возле фок-мачты, не обращая внимания на ветер, который трепал ей волосы и плотно обтягивал тело тканью платья, обрисовывая гордые линии груди.

Несколько дней спустя после

того, как остались позади Азорские острова с видневшимися вдали белыми церквушками португальских деревень, Полина обнаружила, что вид моря изменился. Теперь на поверхности воды появлялись странные водоросли, они были похожи на желтые виноградины и гроздьями дрейфовали в восточном направлении; проплывали какие-то игловидные твари, словно отлитые из зеленого стекла; за голубыми пузырями медуз волочились длинные пунцовые нити; отталкивающего вида рыбы разевали зубастые пасти; вокруг кальмаров колыхались расплывающиеся смутные покровы, окутывая их подвенечной фатой.

Началась жара, вынуждавшая офицеров расстегивать мундиры, впрочем, с дозволения Леклерка, допустившего эту вольность ради того, чтобы иметь возможность самому ходить в мундире нараспашку. Как-то ночью, когда было особенно душно, Полина в ночной сорочке вышла из каюты и прилегла на шканцах, где обычно проводила долгие часы сиесты. Странные зеленоватые огоньки светились над морем. Звезды, которые с каждым переходом становились все крупнее, казалось, излучали легкую свежесть. На заре марсовой обнаружил с приятным волнением, что под бизань-мачтой на

свернутом парусе лежит нагая женщина. Полагая, что перед ним одна из горничных генеральши, он уже собирался было соскользнуть к ней по канату. Но женщина шевельнулась во сне, видимо, перед самым пробуждением, и ее движение открыло марсовому, что он созерцает наготу Полины Бонапарт. Она протерла глаза, смеясь, как ребенок, и, не сомневаясь, что никто ее не видит за парусами, которые отгораживали от нее остальное пространство палубы, вылила несколько ведер пресной воды себе на плечи, покрывшиеся пупырышками от утреннего ветра. С той ночи Полина неизменно спала на

шканцах, и об ее великодушной неосмотрительности стало известно столь многим на судне, что даже не склонный к чувствительности мосье д'Эсменар, которому поручено было учредить карательную полицию на Сан-Доминго, грезил наяву перед классическим совершенством нагой натуры, сравнивая ее мысленно с Галатеей античного мифа [\[94\]](#).

Панорама Капа и Северной равнины с горами вдали, которые смутно проступали из марева, поднимавшегося над плантациями сахарного тростника, очаровала Полину, недаром она прочла историю любви Поля и Виргинии и запомнила мелодию премилого

креольского контрданса с необычным ритмом; контрданс назывался «Островитянка», ноты были изданы в Париже, на улице Сальмон. В своих муслиновых юбках она ощущала себя то ли райской птицей, то ли птицей-лирой среди невиданных растений, дивясь то затейливости узора здешних папоротников, то сочности бурой мякоти кизила, то величине листьев, которые могли служить опахалом. Вечерами Леклерк, хмурия брови, говорил ей о мятежах рабов, о том, сколь трудно прийти к согласию с монархически настроенными колонистами, о грозящих бедах. На случай серьезной опасности он

распорядился купить дом на острове Ла-Тортю. Но Полина не придавала его словам особого значения. Она, как прежде, умилялась, читая слезливый роман Жозефа Лавале [\[95\]](#) «Негр, который сердцем был чище многих белых», и безмятежно упивалась роскошью и изобилием, которых не знала в детстве, когда пробавлялась по преимуществу вялеными смоквами, козьим сыром да прогорклыми оливками. Она жила неподалеку от Кафедрального собора в просторном белокаменном доме с тенистым садом. По ее распоряжению под сенью тамариндов для нее был устроен бассейн, облицованный голубыми

изразцами, и она там купалась нагая. Вначале ее массировали горничные француженки, но потом ей пришло на ум, что мужская ладонь шире и сильнее, и она заручилась услугами негра Солимана, прежде состоявшего при ванном заведении; Солиман не только ее массировал, но еще холил ей кожу миндальными притираниями, удалял волосы на теле, полировал ногти на ногах. Когда негр купал ее, Полина время от времени словно ненароком прикасалась под водой к мощному торсу прислужника, испытывая при этом злорадное удовольствие, ибо она знала, что негра беспрестанно мучит вожделение; Солиман смотрел

на нее всегда искося, и в глазах у него была деланная кротость пса, которого ожгли сильным ударом плети. Иногда Полина небожно хлестала негра прутиком и смеялась при виде его притворно страдальческих гримас. В сущности, она была ему признательна, ведь он так влюбленно и ревностно радел обо всем, что было на пользу ее красоте. Поэтому, когда негру случалось особенно ей угодить либо с особым проворством выполнить поручение, она в награду иной раз позволяла ему облобызать себе ноги, что Солиман совершал коленопреклоненно и в позе, каковую Бернарден де Сен-Пьер

истолковал бы как знак благодарной признательности простодушного дикаря в ответ на бескорыстные труды просвещения [\[96\]](#).

Так она проводила время в безмятежных снах и блаженных досугах, чувствуя себя отчасти Виргинией, отчасти Аталой [\[97\]](#), что не мешало ей, когда Леклерк бывал в отъезде, наслаждаться юношеским пылом какого-нибудь пригожего офицера. Но однажды после полудня француз-цирюльник, который причесывал ее с помощью четырех чернокожих подмастерьев, рухнул наземь у ее ног, и изо рта у него хлынула сгустками зловонная кровь. Страшный москит с серебристыми

прожилками на спине испортил
праздник [\[98\]](#), ворвавшись своим
неотвязным жужжанием в
тропический Эдем Полины Бонапарт.

VII. Святой бедлам

Утром следующего дня Полина в сопровождении негра Солимана и горничных, нагруженных пожитками, спешно перебралась на остров Ла-Тортю по настоянию Леклерка, который только что вернулся из поездки по городам и селениям, опустошенным моровым поветрием. В первые дни она развлекалась, купаясь в бухте с песчаным дном и листая записки лекаря Александра Оливье Оксмелена [\[99\]](#), великого знатока нравов и злодеяний американских корсаров и буканьеров, от бурной жизни которых на острове остались развалины неказистой

крепости. Она смеялась, когда зеркало в спальне сообщало ей, что ее бронзовая от солнца кожа стала точь-в-точь как у красавицы мулатки. Но безмятежная жизнь продлилась недолго. Как-то раз Леклерк вернулся на остров, дрожа в изнуряющем ознобе, не предвещавшем ничего доброго. Глаза его были желты. Состоявший при нем армейский лекарь прописал ему ревень в огромных дозах.

Полина была в ужасе. На память ей приходили полустершиеся впечатления той поры, когда в Аяччо властвовала холера. Мужчины в черных капюшонах выносили на плечах из домов гробы; женщины под

черными покрывалами выли в тени смоковниц по умершим мужьям; девушки в черных платьях пытались броситься в могилу отца или матери, их приходилось волоком тащить с кладбища. Иногда Полину охватывало мучительное ощущение, которое она часто знавала в детстве, ощущение, что она сидит взаперти и выхода нет. В эти мгновения ей казалось, что остров Ла-Тортю ничем не отличается от ее родного острова: та же иссохшая почва, те же красно-бурые скалы, те же пустоши, где нет ничего, кроме кактусов да цикад, и море, которое видно отовсюду. Укрыться было негде. За дверью предсмертным хрипом

хрипел человек, которого угораздило занести в дом смерть, запутавшуюся в шитье генеральского мундира. Убедившись в бессилии врачей, Полина слушала теперь только Солимана, по его совету в покоях курили ладаном, индиго, лимонной коркой; он же научил Полину молитвам, обладавшим чудодейственной силой, то были молитва Великому Судие, молитва святому Георгию и еще молитва святому Бедламу. Она распорядилась вымыть двери дома настоями ароматических трав и лучших сортов табака. Стоя на коленях перед распятием, выточенным из темного дерева, она молилась с шумной,

несколько крестьянской истовостью, выкрикивая вместе с негром после каждой молитвы: *malo, presto, pasto, effacio, amen* [\[100\]](#). Заклинания, таинственность обрядов, один из коих состоял в том, что нужно было вбить гвозди крестом в ствол лимонного дерева, — все это пробуждало в ней голос древней корсиканской крови, которой всеодушевляющая космогония негров была ближе, чем лживое пустословие Директории [\[101\]](#), хотя именно в безверии той поры Полина обрела и ощутила полноту своего бытия. Но теперь она раскаивалась, что так часто шутила святыми вещами, платя дань моде и времени. Когда у

Леклерка началась агония, страх ее усилился, страх заводил ее все дальше и дальше в мир сверхъестественных сил, которые Солиман заклинал своей ворожбой, ибо он был истинный хозяин острова, единственный возможный защитник от мора, грозившего с берега Сан-Доминго, единственный надежный целитель, когда стала явной никчемность рецептов. Дабы злотворные начала не проникли морем на остров Ла-Тортю, негр спускал на воду кораблики из скорлупы кокосового ореха, убранные лентами из Полининой шкатулки для рукоделия; кораблики были данью Агуасу, Владыке Моря.

Как-то среди вещей Леклерка Полине попалась модель военного корабля. Она тотчас побежала на берег передать модель Солиману с тем, чтобы он присоединил это чудо искусства к прочим приношениям. Чтобы уберечься от недуга, все средства были хороши: обеты, покаяния, власяница, пост, а пуще всего — молитвы и заклинания, кто бы им ни внял, пусть даже подставит волосатое ухо Лживый Враг, которым ее стращали в детстве. Вдруг Полина стала ходить по дому странным образом, стараясь не ступать на швы между плитами, ведь прямоугольная форма придается плитам только из-за нечестивых козней франкмасонов,

это всем известно, масоны хотят, чтобы люди беспрестанно попирали стопами святой крест. Солиман больше не умащал тело Полины благовониями, не освежал мятной водой, теперь в ход пошли притиранья из водки, толченых семян, бурого сока каких-то растений, птичьей крови. Как-то утром француженки-горничные с ужасом увидели, что Полина с распущенными волосами стоит на коленях посреди комнаты, а негр отплясывает вокруг нее какой-то причудливый танец. На Солимане был только кожаный пояс, с которого свисал белый платок, прикрывая срамные части, шею украшали синие

и красные бусы, он птицей взлетал в воздух, потрясая заржавленным мачете. И Солиман и Полина выпускали долгие вопли, глухие и нутряные, словно вой псов в лунную ночь. Петух с перерезанным горлом еще дергал крыльями на кучке кукурузных зерен. Увидев у порога одну из прислужниц, негр в ярости пинком захлопнул дверь. В тот же день после полудня под потолочными балками повисли вниз головой статуэтки святых. Полина ни на миг не расставалась с Солиманом, он спал у нее в спальне, на красном ковре.

Смерть Леклерка, унесенного желтой лихорадкой, чуть не довела

Полину до помешательства. Теперь тропики вызывали у нее отвращение, и всего омерзительнее были терпеливые грифы, она знала, если они сидят на кровле дома, значит, в доме кто-то исходит предсмертной испариной.

Распорядившись обрядить тело супруга в парадный мундир и положить в кедровый гроб, Полина поспешила отплыть на борту «Свитшура»; она похудела, под глазами темнели круги, грудь была увешана ладанками. Но вскоре восточный ветер, ощущение того, что с каждой пройденной милей Париж становится ближе, запах морской соли, разъедавшей металлические украшения на гробе, заставили

молодую вдову расстаться с
власяницей. И как-то в
предвечернюю пору, когда киль
скрипел под ярым натиском волн, ее
траурные вуали запутались в шпорах
молодого офицера, облеченного
почетной миссией сопровождать и
охранять останки генерала Леклерка.
В одной из корзин среди выцветших
маскарадных нарядов в креольском
вкусе лежал выточенный Солиманом
амулет в честь великого Легба [\[102\]](#),
повелителя дорог, этот амулет
должен был открыть Полине
Бонапарт все пути, которые, как и
положено, в конце концов привели ее
в Рим.

С отъездом Полины в колонии

пришел конец всякому благоразумию. В период губернаторства Рошамбо [103] последние колонисты Равнины, утратив надежду вернуться к процветанию былых времен, предались самому разнузданному разгулу), не зная ни отдыха, ни удержу. Ни для кого больше не существовало времени суток, ночи не кончались с рассветом. Нужно было вкусить всех радостей вина — до отвращения, всех радостей плоти — до бессилия, нужно было пресытиться наслаждениями прежде, чем великое крушение навсегда отнимет самую возможность наслаждаться. Губернатор расточал милости тем, кто поставлял ему

женщин. Дамы из Капа издевались над эдиктом покойного Леклерка, гласившим, что «белые женщины, предающиеся блуду с неграми, должны быть отосланы во Францию, независимо от их сословной принадлежности».

Средь представительниц прекрасного пола весьма распространилась лесбийская любовь, многие являлись на балы в обществе мулаток, которых именovali своими *cocottes* [\[104\]](#).

Дочери рабов подвергались насилиям в пору самого нежного детства. При таком положении вещей весьма скоро наступило страшное время. В дни праздников Рошамбо завел обычай угощать своих собак плотью

негров, и если псу не доставало решимости вонзить клыки в человеческое тело под взглядом блистательных господ, разодетых в шелка, губернатор приказывал исколоть жертву шпагой, дабы раззадорить животное видом и запахом крови. Полагая, что такого рода меры приведут негров к повиновению, губернатор выписал из Кубы сотни огромных псов: «On leur fera bouffer du noir» [\[105\]](#).

В тот день, когда корабль с собаками, который увидел в порту Сантьяго Ти Ноэль, подошел к капскому рейду, туда же подошел другой парусник, шедший с острова Мартиники и тоже груженный

живым грузом — ядовитыми змеями; генерал намеревался выпустить этих змей на Равнине, дабы они жалили крестьян, живших по хуторам и помогавших неграм-бунтовщикам с гор. Но змеям, этим детищам Дамбалла, была суждена гибель, они даже не отложили яиц и исчезли одновременно с колонистами старого режима. Теперь великие Лоа покровительствовали оружию черных. Битвы выигрывали те, кто поклонялся богам-воителям. Огун Бадагри бросал свою рать в сабельные атаки на последние рубежи, которые еще удерживало божество, именуемое Верховный Разум. И так же, как в битвах былых

времен, по праву оставшихся в людской памяти тем, что кто-то остановил солнце, а кто-то обрушил стены трубным гласом [\[106\]](#), в те дни были люди, обнаженной грудью прикрывавшие жерла вражеских орудий, и люди, обладавшие властью отводить от своего тела свинец неприятеля. Тогда-то и появились среди восставших негры, которые исполняли обязанности священников, хотя у них не было ни тонзуры, ни духовного сана; их называли отцами из Саванны [\[107\]](#). Пробубнить латинские молитвы над одром умирающего они умели не хуже французских кюре. Но понимали их лучше, ибо в их устах

«Отче наш» и «Аве Мария» и по интонации и по ритму звучали также, как гимны, всем хорошо известные. Отныне важные дела, касающиеся жизни и смерти, решались между своими.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

«Повсюду валялись королевские короны, все они были золотые, и между ними попадались столь тяжелые, что поднять их можно было лишь с трудом». [\[108\]](#)

*Карл Риттер,
свидетель
разграбления Сан-
Суси*

I. Знаки

Со шхуны, пришвартовавшейся к причалу святого Марка, сошел негр; он был уже стар, но твердо ступал по земле босыми ногами, потрескавшимися и шишковатыми. Очень далеко, на севере, вырисовывались гребни горной цепи, засиненные чуть погуще, чем небо, и очертания их были негру знакомы. Не мешкая попусту, Ти Ноэль взял в руки тяжелую гваякановую палку и покинул город. Много воды утекло с того дня, когда один помещик из Сантьяго, удачно спонтировав, выиграл его в карты у мосье Ленормана де Мези, который вскоре

после того умер в величайшей бедности. У нового хозяина, кубинца, Ти Ноэлю жилось куда легче, чем некогда жилось рабам, принадлежавшим французам из Северной равнины. Откладывая из года в год монетки, которые хозяин дарил ему к рождеству, он накопил как раз столько, сколько требовал шкипер рыбацкой шхуны за место на палубе. И хотя на коже Ти Ноэля осталось два клейма, он был свободным человеком. Он ступал теперь по земле, где рабство было упразднено навсегда.

За первый день пути он дошел до реки Артибонит и устроился на ночлег на берегу под деревом. На

рассвете он двинулся дальше по дороге, пролегавшей меж зарослями бамбука и дикого винограда. Табунщики, купавшие коней, кричали ему что-то, он плохо различал слова, отвечал на свой лад, плел, что приходило на ум. Ти Ноэль никогда не чувствовал себя одиноким, как бы ни был он одинок. Уже давно выучился он искусству вести беседы хоть со стульями, хоть с кухонной утварью, а то и с коровой, с гитарой либо с собственной тенью. В здешних краях народ был веселый. Но за поворотом какой-то тропинки деревья и кусты вдруг словно высохли, превратились в остовы кустов и деревьев, и земля под ними

была уже не красная и комковатая, как раньше, а сухая и сыпучая, словно пыль в подземелье. В этих местах Ти Ноэлю уже не попадались чистенькие кладбища с миниатюрными надгробиями из белого алебастра, напоминавшими классические храмы размером с собачью конуру. Здесь мертвых хоронили по обочинам дорог, в земле недоброго и безмолвного дола, заросшего кактусами и акацией. Иной раз перед Ти Ноэлем возникало строение, крыша на четырех столбах, означавшая, что люди ушли из этих мест, спасаясь от гнилой заразы. Все здешние растения были вооружены колючками, иглами, шипами, едким

млечным соком, все были вредоносны. Редкие прохожие, встречавшиеся Ти Ноэлю, не отвечали на приветствие и продолжали путь, уставившись в землю, и так же понуро плелись за ними псы. Внезапно негр остановился, глубоко втянул воздух. На суку покрытого шипами дерева висела туша козла. На земле появились предупреждающие знаки: три камня лежали полукругом, перед ними торчал прут, он был надломлен посередине и воткнут обоими концами в землю, образуя подобие арки. Немного впереди на смазанной жиром ветке покачивалось несколько черных петушков, каждый был

подвешен за лапу, вниз головой. И наконец знаки привели его к дереву особо зловещего вида, ствол ошетинился длинными черными иглами, а вокруг лежали приношения. Между корнями дерева были воткнуты деревянные амулеты, искривленные, узловатые, обломанные – то были посохи Легбы, Владыки Дорог.

Ти Ноэль упал на колени и возблагодарил небо за то, что ему дарована радость возвратиться в края Великих Договоров. Ибо он знал, – как знали все французские негры в Сантьяго-де-Куба, – что своим торжеством Десалин [\[109\]](#) обязан был долгим предварительным

волхвованиям, и в этих волхвованиях ему помогали Локо [\[110\]](#), Петро, Огун-Феррайль, Бриз-Пимба, Каплау-Пимба, Маринетта Буа-Шеш [\[111\]](#) и все божества огня и пороха, они вселялись в людские тела и завладевали ими с таким неистовством, что одержимые взлетали в воздух либо бились оземь, когда звучали заклятия. А еще в котле замешали вместе кровь, порох, пшеничную муку и растертые кофейные зерна, и такое поднялось тесто, что от его запаха предки насторожились в земле, а священные барабаны гремели, и копья посвященных стучали, скрещиваясь над костром. Когда же экстаз достиг

предела, божество снизошло в плоть Избранника, и он вскочил на спины двух негров, и они заржали, и диковинных очертаний кентавр горячился, и ржал, и вот понесся галопом, как добрый конь, к морю, ведь море уходит в ночь, и по ту сторону ночи, по ту сторону многих ночей воды его лижут берега мира, где обитают Вышние Силы.

II. Сан-Суси

Через несколько дней Ти Ноэль вышел к знакомым местам. По привкусу воды он распознал ручей, в котором купался когда-то, только ниже по течению; но ручей был тот самый, излучистый, уходящий к побережью. Старый негр прошел недалеко от пещеры, где Макандаль некогда готовил свои настои из ядовитых трав. В растущем нетерпении он спустился в тесную долину Дондон и вышел наконец к Северной равнине. Там он зашагал берегом моря к бывшему поместью Ленормана де Мези.

Увидев три сейбы, как бы

отмечающие вершины треугольника, он понял, что пришел. Но перед ним лежал пустырь: ни красильни, ни сушилен для табака, ни конюшен, ни коптилен. От дома уцелел лишь сложенный из кирпича кухонный очаг, вокруг него вился плющ, оставшийся от прошлых времен, но выродившийся, ибо солнца было слишком много, а тени не было совсем; от кладовых уцелели плиты пола, вросшие в отвердевшую глину, от часовни — железный петушок флюгера. Там и сям торчали обломки стен, похожие на огромные искореженные литеры. Пинии, виноградные лозы, европейские плодовые деревья исчезли, исчез и

огород, где некогда белела спаржа и закручивались кочешки артишоков и пахло то мятой, то майораном. Поместье превратилось в пустошь, перерезанную дорогой. Старый негр сел на камень, когда-то один из краеугольных в фундаменте господского дома, а теперь обычный камень — в глазах всякого, кто не знал столько, сколько знал Ти Ноэль. Он повел было беседу с муравьями, как вдруг неожиданный шум заставил его повернуть голову. Прямо на него неслись во весь опор несколько всадников в ослепительных воинских уборах: голубые доломаны, сплошь расшитые снурками и канителью, ворот в позументах, эполеты с

пышными аксельбантами, лосины с галунами, кивера с лазоревым плюмажем и гусарские сапоги. Ти Ноэль привык к незатейливым мундирам колониальных войск и теперь дивился невиданному великолепию; мундиры были в наполеоновском вкусе, но соплеменники Ти Ноэля довели их пышность до пределов, неведомых генералам корсиканца. Офицеры промчались мимо, словно в облаке золотой пыли, и исчезли за поворотом дороги, что вела к городу Мийо. Старый негр как зачарованный побрел по следам, оставленным копытами их коней.

Он миновал рощу, и ему

показалось, что он очутился в дивном вертограде. Земли, прилегавшие к городу Мийо, были возделаны с той же тщательностью, с какой огородники возделывают свои поливные участки, расчерчены на квадраты оросительными канавами, расцвечены нежной зеленью рассады в деревянных ящиках. На полях работало множество людей, их сторожили солдаты с бичами в руках, и время от времени бичи опускались на спины нерадивых. «Заклученные», – подумал Ти Ноэль, видя, что стража состоит из чернокожих; но работавшие тоже были чернокожие, и это не соответствовало представлениям,

которые Ти Ноэль приобрел в Сантьяго-де-Куба на ночных празднествах Братства Французских Негров, куда ему иной раз удавалось вырваться и где плясали тумбу и ката. Но тут старый негр остановился, потрясенный зрелищем, самым удивительным, самым величественным из всех, что случилось ему видеть за всю его долгую жизнь. На фоне гор, прорезанных фиолетовыми полосками глубоких расселин, высился, розовея, замок, королевский дворец с арочными окнами, словно вознесенный в воздух высоким цоколем в виде итальянской лестницы. С одной стороны

виднелись обширные постройки, крытые черепицей, — по всей вероятности, службы, казармы и конюшни. С другой — стояло круглое здание, увенчанное куполом, который поддерживали белые колонны; оттуда выходили духовные особы в белых стихарях. Подойдя ближе, Ти Ноэль увидел террасы, статуи, аркады, сады, беседки, увитые зеленью, лабиринты из подстриженных кустарников. У подножия мощных колонн, которые поддерживали огромную солнечную сферу, выточенную из черного дерева, несли стражу два бронзовых льва. На плац-параде суетились военные в белых мундирах, молодые

капитаны в треуголках ходили взад и вперед, позвякивая саблями, и солнце играло бликами на золоте шитья. В распахнутое окно было видно, как стараются оркестранты, разучивая музыку перед балом. В дворцовые окна выглядывали дамы, увенчанные султанами из перьев, пышные груди вздымались в вырезах платьев, опоясанных слишком высоко, как того требовала мода. Во дворе два кучера в ливреях мыли огромную карету, покрытую рельефными изображениями солнца и сплошь вызолоченную. Приблизясь к круглому зданию, откуда вышли духовные лица, Ти Ноэль понял, что это церковь, а внутри, среди

множества занавесей, хоругвей и балдахинов, он увидел большое изображение пречистой девы.

Но более всего поразило Ти Ноэля то, что этот диковинный мир с его пышностью, неведомой французским губернаторам Капа, был миром черных. Ибо черны были лица вельможных красавиц с упругими ягодицами, что в тот миг плясали в хороводе вокруг фонтана с тритонами; и черны лица двух министров в белых чулках, что спускались по главной лестнице, зажав под мышкой портфели из телячьей кожи; черен был повар в колпаке, украшенном хвостом горноста, разглядывавший тушу

оленя, что принесли на плечах крестьяне, которыми распоряжался главный егермейстер; черны были гусары, гарцевавшие на манеже; черен главный мундшенк [\[112\]](#) с серебряной цепью на шее, который в обществе главного сокольничего созерцал черных актеров, репетировавших на сцене летнего театра; черны были лица лакеев в белых париках, в ливреях с позолоченными пуговицами, которые пересчитывал мажордом в зеленой куртке, тыча в них пальцем; черным, наконец, совершенно черным был лик пречистой девы, образ которой высился над главным алтарем в часовне и которая кротко улыбалась

черным музыкантам, разучивавшим «Salve» [\[113\]](#). Ти Ноэль понял, что находится в Сан-Суси, любимой резиденции короля Анри Кристофа, того самого Анри Кристофа, что был некогда поваром, потом содержал гостиницу «Корона» на улице Испанцев, а теперь чеканит монету со своим вензелем и гордым девизом: «Бог, мое право, моя шпага».

Старый негр почувствовал, что его больно огрели палкой по спине. Он вскрикнуть не успел, как стражник погнал его к казарме, подталкивая пинками в зад. Когда дверь камеры захлопнулась и Ти Ноэль оказался взаперти, он стал

кричать, что лично знаком с Анри Кристофом и жену его тоже знает, она ведь и есть та самая Мария Луиза Куадавид, что доводится племянницей одной кружевнице, а эта кружевница, вольноотпущенница, была частой гостьей в поместье Ленормана де Мези. Но никто его не слушал. После полудня вместе с другими заключенными его погнали к горе, которая звалась Епископской Митрою и у подножия которой был свален лес и камень для строительных работ. Ему сунули в руки кирпич.

— Неси наверх! Вернешься, возьмешь еще!

– Слишком стар я для этого.

Ответом был удар по голове. Не переча более, Ти Ноэль стал взбираться по крутому склону, заняв свое место в длинной веренице детей, беременных женщин, старух, седых стариков; у всех в руках было по кирпичу. Старый негр поглядел в сторону Мийо. В сумерках дворец казался еще розовее. Подле бюста, изображавшего Полину Бонапарт и украшавшего некогда ее дом в Капе, играли в волан юные принцессы Атенаис и Аметиста в платьицах из переливчатого атласа. Чуть поодаль капеллан королевы – единственный из всех присутствующих обладатель светлой кожи – читал Плутарховы

«Жизнеописания» [\[114\]](#) наследному
принцу под благосклонным оком
Анри Кристофа, который
прогуливался в сопровождении своих
министров по садам королевы.
Мимоходом его величество
рассеянно обрывал лепестки белой
розы, только что распустившейся на
кусте: кусты были подстрижены в
форме короны и птицы-феникса, а
над ними белели мраморные
аллегии.

III. Заклание быков

На вершине Епископской Митры
вторую горой — гора на горе —
вздыхалась, ошестинившись
строительными лесами, цитадель
Ла-Феррьер. Контрфорсы и
простенки уже оделись в красное, их
словно обтянул фантастически
разросшийся лишайник, парчево
гладкий и плотный, и этот лишайник
все расползлся, карабкался вверх по
главной башне, красной охрой
окрасил крепостные стены, увенчал
их зубцами, словно колониями
кораллов. Громада из красного
кирпича высилась над облаками, и с
башен ее открывались дали, которых

не мог охватить глаз, а в подземельях
змеились потайные переходы,
галереи, коридоры, туннели,
погруженные в густую тьму. Свет,
проникавший через бойницы и
слуховые щели, пробивался сквозь
туман испарений, словно сквозь
толщу вод, его струйки
извилистостью и цветом
напоминали листья папоротника и
сливались в воздухе в единый
зеленоватый поток. Лестницы, круто
уходившие вниз, точно лестницы
преисподней, связывали три главные
батареи с пороховыми погребами, с
часовней артиллеристов, с
поварнями, с хранилищами для
пресной воды, с кузницами, с

литейной мастерской, с застенками. Дабы крепость была неуязвима, каждый день на крепостном плацу закалывали несколько быков. В том крыле замка, которое выходило к морю, нависая на головокружительной высоте над панорамой Равнины, штукатуры уже трудились над отделкою королевских покоев, над помещениями для фрейлин, трапезными и бильярдными. На тележных осях, вделанных в стену, закреплены были перекидные трапы, по этим трапам кирпич и камень доставляли на верхние площадки крепости, за которыми и под которыми разверзались бездны, вызывая у

строивших тошноту и головокружение. Случалось, что негр срывался в пустоту, так и не выпустив из рук бадьи с известковым раствором. Его тотчас сменял другой, никто не думал об упавшем. Сотни людей трудились под кнутом и ружейным дулом, возводя колоссальную крепость, творя архитектурные формы, которые до той поры можно было увидеть лишь на листах, рожденных воображением Пиранези. В крепости уже появились артиллерийские орудия, их втащили на канатах по горным склонам, и теперь они стояли на лафетах кедрового дерева в полутьме, постоянно царившей в сводчатых

залах, сквозь бойницы которых были обозримы все тропы и все перевалы острова. Здесь были «Сципион», «Ганнибал» и «Гамилькар», гладкоствольные орудия, отлитые из светлой, почти золотистой бронзы, а рядом с ними стояли пушки, отлитые после восемьдесят девятого года, с еще не получившим завершения девизом: «Свобода, равенство». Была здесь испанская пушка, на стволе которой красовалась меланхолическая надпись: «Верна, но несчастлива», и еще несколько орудий с более широким дулом и с обильными украшениями на стволах: то были пушки, отлитые при Короле Солнце и дерзко провозглашавшие

его девиз: «Ultima ratio regum» [\[115\]](#).

Когда Ти Ноэль положил свой кирпич у подножия одной из крепостных стен, было около полуночи. Тем не менее работа продолжалась при свете костров и факелов. Сон валил людей тут же, при дороге; они засыпали, пристроившись на больших камнях, на лафетах пушек, а рядом спали мулы с пролысинами на лбу, образовавшимися от беспрестанных падений при подъеме в гору. Изнемогая от усталости, старый негр прилег во рву, под подъемным мостом. На заре его разбудил удар хлыста. Где-то выше ревели быки, они будут заколоты, как только

забрезжит день. За ночь на пути холодных облаков встали новые строительные леса, и уже близился миг, когда вся гора огласится ржанием, криками, звуками рожков, свистом бичей, скрипом канатов, разбухших от утренней росы. Ти Ноэль стал спускаться в Мийо за следующим кирпичом. Спускаясь, он видел, что по всем дорогам и тропам, пролегающим вдоль склонов горы, взбираются плотными вереницами женщины, дети, старики, и каждый тащит по кирпичу, чтобы опустить его у подножия крепости, возносящейся все выше и выше, словно муравейник либо термитник, ибо крепость слагается из этих

кусочков обожженной земли, безостановочно ползущих вверх по склону в ненастье и в ведро, в будни и праздники. Вскоре Ти Ноэль узнал, что так продолжается уже более двенадцати лет и всех жителей Северной равнины силою принудили строить невиданную цитадель. Всякая попытка протеста пресекалась мечом. И вот во время бесконечных странствий то вверх, то вниз, то вверх, то вниз старому негру пришло на ум, что камерные оркестры Сан-Суси, и великолепие мундиров, и белая нагота статуй, греющихся под солнышком на покрытых рельефами пьедесталах среди стриженных кустов партерного

сада, оплачены ценою рабства, и
бремя этого рабства так же
невыносимо, как то, которое он
изведал некогда в поместье мосье
Ленормана де Мези. Оно даже
тяжелее, потому что становится
горше горького, когда тебя бьет негр,
такой же черный, как ты, такой же
губастый, и курчавый, и
плосконосый, как ты, по всем
статьям тебе равный, такой же
бедолага, может статься, такой же
клейменный, как ты. Словно ссорятся
члены единой семьи, дети
поднимают руку на родителей, внук
на бабу, невестка на свекровь, что
стряпает у плиты. И вдобавок в
былые времена колонисты

остерегались, не убивали рабов – разве что ненароком, под^ горячую руку, – ведь смерть раба – прямой убыток, и немалый. А государственной казне смерть негра гроша не стоит: покуда есть негритьянки, способные рожать, – а за ними дело не станет, – будет кому носить кирпичи на вершину Епископской Митры.

В сопровождении свитских офицеров верхами часто навещался в цитадель король Кристоф, проверял, как подвигаются работы. Приземистый, крепко сбитый, курносый, монарх шел, выпятив бочковатую грудь и уткнувшись подбородком в расшитый ворот

мундира; он осматривал батареи, кузницы, мастерские, звенел шпорами, взбираясь по бескончаемым лестницам. На его наполеоновской треуголке птичьим глазом поблескивала двухцветная кокарда. Иногда одним движением хлыста он приказывал предать смерти застигнутого в праздности ленивца либо отправить на казнь нерасторопных негров, которые слишком медленно волокли каменную глыбу вверх по отвесному склону. Посещение неизменно завершалось тем, что король приказывал поставить кресло на верхнюю площадку, выходящую на море и нависшую над бездной, перед

которой жмурили глаза самые бесстрашные. И, сидя на краю площадки, где ничто не давило его сверху, ничто не отбрасывало на него тени, а его собственная тень была у него под ногами, сидя там, где он был выше всех и вся, он мог измерить свою власть во всей ее беспредельности.

Попытайся французы вернуть себе остров, он, Анри Кристоф, «Бог, мое право, моя шпага», сможет продержаться здесь под облаками столько времени, сколько понадобится, вместе со всем двором, армией, капелланами, музыкантами, африканскими пажами, шутами. Пятнадцать тысяч человек смогут прожить за этими

циклопическими стенами, ни в чем не зная нужды. Стоит убрать подъемный мост Единственных Ворот — и цитадель Ла-Феррьер сосредоточит в себе всю страну, здесь будет ее независимость, ее монарх, ее казна, ее роскошь и пышность. И негры, обитатели Равнины, будут, задрав головы, снизу смотреть на крепость с ее великими запасами кукурузы, и пороха, и железа, и золота, и, позабыв о том, скольких мук она стоила, они будут думать, что там, высоко-высоко, выше чем птицы летают, там, куда жизнь Равнины доносится лишь дальним звоном колокольным да петушьим криком, король, их

соплеменник, сидит под самым небом, а небо одинаково всюду, и король ждет, когда загремят бронзовые копыта десяти тысяч коней Огуна. Недаром вознеслись эти башни под неистовый рев жертвенных быков, и быки истекали кровью и валялись на спину, являя солнцу свою силу производителей; строители ведали сокровенный смысл жертвоприношения, хоть и говорилось непосвященным, что это всего лишь новый способ приготовления известкового раствора.

IV. Замурованный

Когда работы по возведению цитадели близились к завершению и потребны были не столько подносчики кирпича, сколько люди, владеющие ремеслом, надзор малость поослаб, и хотя мортиры и кулеврины все еще ползли по склонам горы к ее далекой вершине, многие женщины получили дозволение вернуться к кухонным горшкам, заросшим серой паутиной. Среди тех, кто был отпущен за ненадобностью, оказался в одно прекрасное утро Ти Ноэль, и старый негр без промедления двинулся в путь, даже не обернувшись, чтобы

поглядеть на крепость, уже свободную от лесов с того крыла, где стояла батарея принцесс крови. Вверх по склону с помощью талей волокли бревна для столярных работ внутри помещений. Но все это не занимало более Ти Ноэля, помышлявшего лишь о том, как бы найти себе пристанище в бывшем поместье Ленормана де Мези, куда он теперь возвращался, как угорь возвращается в тину реки, в которой родился. Снова очутившись в усадьбе, он почувствовал себя словно бы владельцем этих мест, ибо только он один был в состоянии прозреть некий смысл во всех впадинах и выступах почвы, а потому он

принялся орудовать мачете, расчищая заросли вокруг развалин. Два куста акаций, упав наземь, явили глазу обломок стены. Из-под листьев дикой тыквы показались на свет божий голубые изразцы, которыми некогда был выложен пол столовой в господском доме. Старик заткнул пальмовыми листьями трубу уцелевшего кухонного очага — решетка очага была выломана — и у него получилась спальня, пролезать в которую приходилось на четвереньках; но зато под очага он выстилал метелками злака, что зовется в народе индейской бородой, и теперь ему было где отлеживаться от тумачков, перепавших ему на

склонах Епископской Митры.

Там перетерпел он зимние ветры и период дождей, там дождался лета, утоляя голод водянистыми плодами манго и прочей зеленью, от которой пучило живот; дорог он по возможности избегал, опасаясь солдат Кристофа, шнырявших повсюду в поисках людей, — видно, король собрался строить еще дворец, может, тот самый, о котором ходили слухи, что поставят его на берегу Артибонита и окон там будет столько, сколько дней в году. Но миновало еще несколько месяцев, новостей никаких не было, и Ти Ноэль, в досталь намаявшись, решил наведаться в Кап; он пустился

в путь, держась берега, по заросшей тропинке, по которой некогда возвращался из города в поместье, труся следом за хозяином на молодом жеребчике; у таких зубы еще не смыкаются как следует, цоканье копыт напоминает треск выдубленной кожи, которую складывают пополам, а на холке еще остались милые жеребьячьи складки. Хорошее место — город. В городе длинная палка с крючком на конце всегда найдет, что подцепить, что опустить в мешок, переброшенный через плечо. В городе есть гулящие бабенки, что по доброте сердечной дают милостыню старым людям, базары есть, где музыка играет, где

показывают ученых зверей и говорящих кукол, где торговки снедью к тем благоволят, кто не жалуется на голод, а поглядывает на бутылки с водкой. Ти Ноэлю все время было холодно, неумный холод пробирал его до мозга костей. И он с тоской вспоминал бутылки былых времен — те, что стояли в погребе господского дома — граненые, толстостенные, с водками, настоящими на разных корочках, на травах, на тутовых ягодах, на крессе; букет у этих настоек был удивительно тонкий, а цвета их ласкали глаз.

Но город, который нашел Ти Ноэль, жил одним — ожиданием

смерти человека. Казалось, все окна и двери домов, все проемы, все створки решетчатых ставен воззрились на Архиепископский дворец, на один и тот же его угол, и фасады домов, словно человеческие лица, гримасничали в напряженном ожидании. Скаты кровель тянулись вперед, углы домов выдвигались ближе, разводы сырости чертили на стенах извилины ушных раковин. В том углу на стене Архиепископского дворца виднелся свежевыложенный кирпичный квадрат, уже отвердевший и составлявший единое целое с кладкой стены, и в этом квадрате была оставлена узкая щель. Из этой щели, черной, точно

беззубый рот, вырывались временами вопли, и так ужасны они были, что все в городе вздрагивали, а дети плакали в комнатах. Заслышав такой вопль, беременные женщины прикрывали ладонями чрево, и редкие прохожие пускались бежать, беспрестанно осеняя себя крестным знамением. А из щели в стене Архиепископского дворца все неслись завывания, бессмысленные выкрики, пока кровь не подступала к горлу, надрывавшемуся в анафемах, невнятных угрозах, пророчествах и проклятьях. И тогда слышался плач, плач шел из глубины груди, срывался на всхлипы младенца, но голос был старческий, и слышать этот плач

было еще мучительнее. Плач переходил в предсмертный хрип, трехтактный, замиравший в астматическом удушье, слабевший до чуть слышного вздоха. День и ночь доносились эти звуки из щели в стене Архиепископского дворца. Никто в Капе не знал сна. Никто не решался пройти по близлежащим улицам. В домах люди молились шепотом, укрывшись в самых потаенных комнатах. И ни у кого не хватало духу хоть словом перемолвиться о страшном деле. Ибо в Архиепископском дворце умирал человек, монах из ордена капуцинов, и капуцин этот, замурованный, заживо погребенный в своей

молельне, был Корнехо Брейль, герцог д'Анс, духовник Анри Кристофа. Он был осужден умереть у себя во дворце у подножия свежевыложенной стены за преступление, состоявшее в том, что он собрался уехать во Францию и увезти с собой все тайны короля, все тайны цитадели, в красные башни которой уже не раз ударяла молния. Тщетно молила короля королева Мария Луиза, тщетно обнимала ботфорты своего супруга. Анри Кристоф не побоялся недавно возвысить голос против святого Петра, когда тот наслал на цитадель еще одну бурю, — ему ли пугаться бессильных анафем французского

капуцина. И вдобавок необходимые меры были приняты, в Сан-Суси появился новый любимец: испанский капеллан в широкополой шляпе, великий искусник по части нашептывания и лести и не менее искусный мастер служить мессу звучным басом; звался же он отец Хуан де Дьос. Лукавому монаху прискучили горох и сало, пища варваров-испанцев с той окончности острова; ему жилось куда слаще при гаитянском дворе, где дамы наперебой потчевали его глазированными фруктами и португальскими винами. Поговаривали, что причиною беды, постигшей Корнехо Брейля, были

несколько слов, которые испанец обронил словно бы невзначай в присутствии короля Кристофа, когда тот учил своих борзых бросаться на изображение французского короля.

По истечении недели голос замурованного капуцина стал чуть различим и замер в последнем хрипе, который люди не столько расслышали, сколько угадали. И тогда за угловой частью стены Архиепископского дворца настала тишина. Тишина стояла долго, слишком долго для города, переставшего верить, что тишина когда-нибудь настанет, и лишь новорожденный в своем неведении отважился нарушить ее первым

своим криком, но этот крик вернул жизни обычную гамму звуков, и снова слышались выкрики разносчиков, приветственные возгласы, трескотня кумушек и песни прачек, развешивающих белье. Тогда-то и удалось поживиться Ти Ноэлю, вытянуть из пьяного матроса столько монеток, сколько как раз хватило на пять стаканов водки, которые он опорожнил один за другим. Пошатываясь, побрел он при лунном свете в обратный путь, и на память ему пришли обрывки песенки, которую в былые времена он певал, возвращаясь из города. В той песенке честили какого-то короля. Короля, вот что главное. Всю дорогу старый

негр поносил Анри Кристофа, до хрипоты суля беду и позор и короне его, и всему его роду, зато дорога показалась ему такой короткой, что, растянувшись наконец на своей подстилке из метелок индейской бороды, он не мог понять, неужели и вправду он побывал в Кап-Франсэ.

V. Хроника пятнадцатого августа

— Quasi palma exaltata sum in Cades, et quasi plantatio rosae in Jericho. Quasi oliva speciosa in campis, et quasi platanus exaltata sum juxta aquam in plateis. Sicut cinamonum et balsamum aromatizans odorem dedi; quasi myrrah electa dedi suavitatem odoris [\[116\]](#).

Королева Мария Луиза не понимала латинского текста, который Хуан де Дьос Гонсалес произносил на самых глубоких нотах своего звучного голоса, действовавших неотразимо, но она

улавливала отдельные слова литургического поучения, обозначавшие благовония, которые ей были известны, ибо их названия она видела на фарфоровых баночках у аптекаря Сан-Суси; нынешним утром королеве казалось, что есть некая таинственная связь между этими словами и ароматом ладана, к которому примешивалось благоухание померанцев, долетавшее со двора по соседству. Напротив, Анри Кристоф был не в состоянии должным образом сосредоточиться на богослужении, потому что грудь ему сдавливало необъяснимое беспокойство. Наперекор всем он изъявил желание, чтобы в праздник

успения мессу служили в Лимонадской церкви, ибо мрамор ее стен, серый и в тонких прожилках, создавал восхитительное впечатление прохлады и не так разило потом из-под застегнутых мундиров, увешанных тяжелыми орденскими знаками. И все-таки король чувствовал, что окружен враждебными силами. Народ, который встретил его появление приветственными кликами, таил недобрые помыслы, припоминал ему урожаи, которые можно было бы собрать на плодородных землях острова, но собрать не пришлось, ибо людей согнали строить цитадель. Где-нибудь в уединенном доме — он

почти не сомневался — висит его изображение, истыканное булавками либо перевернутое вниз головой и с ножом в сердце. Откуда-то, очень издалека, временами доносился бой барабанов, и едва ли барабаны молили богов о том, чтобы продлить ему жизнь. Но вот зазвучали первые слова офертория [\[117\]](#):

— Assumpta est Maria in caelum;
gaudent Angeli, collaudantes benedicunt
Dominum, alleluia! [\[118\]](#)

Внезапно Хуан де Дьос Гонсалес попятился к королевским креслам, неловко споткнувшись о три мраморные ступени. Король схватился за эфес шпаги. Пред алтарем, обратя взор свой к

верующим, предстал другой священник, как бы возникший ниоткуда, плечи и руки его вырисовывались еще неясно, кусками. Но лик постепенно обретал очертания и выражение, и вот отверзся рот, безгубый, беззубый, черный, словно та щель в стене, и раздался голос, подобный грому, заполнил своды, словно орган, звучащий на полную мощь, так что задрожали витражи в свинцовых переплетах:

— Absolve, Domine, animas omnium fidelium defunctorum ab omni vinculo delictorum... [\[119\]](#)

Имя Корнехо Брейля застряло у Кристофа в горле, лишив его дара

речи. Ибо перед главным алтарем стоял замурованный епископ, хотя все знали, что он умер и истлел; он стоял во всей пышности парадных облачений и возглашал *Dies irae* [\[120\]](#). И когда гласом кимвальным загремели слова: «*Coget omnes ante thro-num*» [\[121\]](#), Хуан де Дьос Гонсалес с воем покатился к ногам королевы. Анри Кристоф, выкатив белки, держался, пока не грянуло: «*Rex tremendae majestatis*» [\[122\]](#). И тогда загрохотал гром, который слышал лишь он один, и молния ударила в колокольню, и все колокола разом дали трещину. Пали долу певчие, обрушились алтарь и кафедра, покатались кадильницы. Король

лежал на полу, разбитый параличом, не сводя глаз с балок потолка. Ибо призрак огромным прыжком переместился на одну из балок, на ту, в которую вперился Кристоф, и он восседал там, раскинув руки, словно похваляясь кровавым блеском широких парчовых риз. В ушах у Кристофа стучало все громче и громче; может быть, то стучала его собственная кровь, может быть, то стучали барабаны на горе. Офицеры на руках вынесли из церкви своего короля, невнятно твердившего проклятия и грозившего, что, если запоет петух, всех лимонадских прихожан постигнет смерть. Пока Мария Луиза и принцессы хлопотали

вокруг короля, крестьяне, напуганные тем, что сказал в бреду монарх, бросились ловить петухов и кур, сажать их в корзинки, опускать поглубже в колодцы, чтобы там, в темной темени, птицы думать забыли о кудахтанье и петушином задоре. Ослов градом колотушек загоняли подальше в лес. Коням стянули храпы намордником, чтобы монарху не примерещилось чего-нибудь в их ржанье.

И вот шестерик коней галопом вкатил тяжелую королевскую карету на плац-парад перед дворцом Сан-Суси. Короля в расстегнутой сорочке отнесли в апартаменты. Он рухнул на постель, словно мешок, набитый

цепями. Глаза его, выкаченные так, что почти не видно было радужной оболочки, — одни белки, — выражали ярость бессилия, ибо он не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой. Лекаря принялись растирать недвижимое тело составом из водки, пороха и красного перца. Во всех гостиных дворца, переполненных чиновниками и сановниками, было душно и жарко, пахло снадобьями, настоями, притираньями, ароматическими солями. Принцессы Атенаис и Аметиста рыдали на декольтированной груди гувернантки из Северо-Американских Штатов. Королева, которую в эти минуты мало заботили предписания этикета,

склонилась над жаровней,
поставленной в углу комнаты,
смежной с опочивальной ее супруга,
ждала, когда закипит на раскаленных
угольях отвар из корней, и отсветы
настоящего пламени придавали
поразительное правдоподобие
краскам гобелена на стене,
изображавшего Венеру в кузнице
Вулкана. Ее величество потребовала
веер, дабы раздуть угли, тлевшие
слишком слабо. Что-то недоброе
было в свете сумерек, тени
сгущались, спешили прильнуть к
предметам, окутать их мраком.
Никак нельзя было узнать,
действительно ли бьют на горе
барабаны или это только мерещится.

Но иногда мерный стук, доносившийся издали и сверху, странным образом смешивался со словами молитв, которые твердили придворные дамы в Парадной гостиной, и у многих в груди сердце втайне стучало в лад тем барабанам.

VI. Ultima ratio regum

В следующее воскресенье, к закату, Анри Кристоф почувствовал, что огромным усилием воли сможет принудить к повиновению все еще неподвижные колени и суставы рук. Пытаясь выбраться из постели, он тяжело заворочался, свесил ноги на пол и, словно надломившись в поясе, привалился спиной к подушкам. Солиман, его камердинер, помог ему встать. Король смог дойти до окна, он шагал деревянно, словно большая заводная кукла. Слуга позвал королеву с принцессами, они вошли неслышно, остановились в темном углу под конным портретом его

величества. И королева и принцессы знали, что сейчас в О-ле-Кап спиртное течет рекою. На перекрестках стояли столы, дымились котлы с похлебками, с копченым мясом, потные поварихи постукивали по столешницам шумовками и черпаками. В проулке слышался хохот и крики, крутились в пляске праздничные платки на головах негритянок.

Король втягивал вечерний воздух, чувствуя, что тяжесть, сдавившая ему грудь, понемногу отпускает его. Ночь уже надвигалась из-за горных отрогов, размывая очертания деревьев и лабиринтов в садах королевы. Вдруг Кристоф

увидел в окно музыкантов из часовни, они шли по плац-параду, таща свои инструменты. Род занятий причудливым образом сказался на очертаниях фигур. Арфист, согнувшийся под тяжестью арфы, казался горбуном; другой оркестрант, до крайности тощий, нес свой барабан, как беременная женщина чрево; третий словно запутался в кольцах геликона. А замыкал шествие карлик, почти невидимый под китайским музыкальным зонтиком, бубенцы которого позвякивали в такт его шагам. Король удивился было, что в такой час его музыканты отправились со своими инструментами неведомо куда,

словно собираясь дать концерт где-нибудь у подножия одинокой сейбы, как вдруг разом грянуло восемь полковых барабанов. Было время сменять караулы. Его величество сосредоточил внимание на своих гренадерах, желая убедиться, что и во время монаршего недуга они соблюдают строжайшую дисциплину, к которой приучены. Но внезапно августейшая ладонь взлетела в жесте, выражающем изумление и гнев. Уставная дробь смолкла, сломав ритм, и слышались три глухих, неравномерных удара, их отбивали не палочками, а костяшками пальцев.

— Сигнал мандукумана! — воскликнул Кристоф, швырнув

треуголку оземь.

И тотчас ряды караулов расстроились, солдаты беспорядочной толпой рассеялись по плац-параду. Забегали офицеры с саблями наголо. Распахнулись окна казарм, и оттуда гроздьями посыпались люди в расстегнутых мундирах и панталонах, не заправленных в сапоги. Грянули выстрелы — кто-то палил в воздух. Знаменщик полка принца крови разорвал полковое знамя с изображением корон и дельфинов. Среди всеобщей суматохи промчался во весь карьер уланский эскадрон, позади мулы тянули фуру со сбруями и прочим конским снаряжением.

Люди в мундирах толпами покидали дворец, повинуваясь приказу полковых барабанов, по коже которых молотили чьи-то кулаки. Из лазарета выбежал солдат, серый от малярии; мятеж захватил его врасплох, он успел только завернуться в простыню и теперь на бегу поправлял подбородный ремень кивера. Пробегая под окном, возле которого стоял Кристоф, он сделал непристойное телодвижение и умчался со всех ног. Затем в сгущавшихся сумерках наступила тишина, только где-то вдалеке жалобно прокричал павлин. Король повернул голову. Королева Мария Луиза и принцессы Атенаис и

Аметиста плакали во тьме
опочивальни. Теперь понятно было,
почему нынче спиртное текло рекою
в О-ле-Кап.

Хватаясь за перила, занавеси и
спинки стульев, Кристоф побрел по
дворцу. Отсутствие придворных,
лакеев, караула придавало
жутковатую пустоту переходам и
покоем. Стены словно раздались
вширь, потолок словно поднялся
выше. В бесконечности отражающих
друг друга перспектив Зеркальной
гостиной виднелась одна только
человеческая фигура — фигура
короля. И какое-то разноголосое
гудение в тишине, какие-то
прикосновения, и потом еще

сверчки, они стрекотали где-то
вверху, в лепнине плафонов, никогда
раньше их не было слышно, а теперь
своими паузами и
перемежающимися ритмами они
придавали тишине особую
многоступенчатую глубину. Свечи
медленно оплывали в канделябрах.
Ночной мотылек кружился в
аудиенц-зале. Какие-то насекомые
ударялись о золоченые рамы, падали
на пол, там и сям слышалось
характерное сухое потрескивание
надкрыльев летучих жуков. В
большой приемной, распахнутые
окна которой выходили на оба
фасада, Кристоф слышал только
стук собственных каблуков, и от

этого еще острее ощутил неизбывность своего одиночества. По служебному входу он спустился в поварни; огонь еле теплился под вертелами, на которых не было мяса. На полу, подле стола для резки овощей, валялось несколько пустых бутылок из-под вина. Исчезли связки чеснока, висевшие над очагом, снизки грибов дьон-дьон, окорока, подвешенные коптиться. Дворец был пуст, был предан во власть безлунной ночи. Он принадлежал любому, кто пожелал бы им овладеть, — челядинцы увели даже охотничьих собак. Анри Кристоф вернулся в свои апартаменты. При свете люстр в белизне лестницы было что-то

мертвенно холодное и безысходное. Сквозь слуховое окно ротонды влетела летучая мышь, кружилась бестолково под тусклым золотом потолочной росписи. Король оперся о мрамор балюстрады, ища опоры в его незыблемости.

Там, внизу, на самой нижней ступени парадной лестницы, сидели пятеро молодых негров, их полные тревоги лица были обращены к королю. В этот момент Кристоф почувствовал, что любит их. То были его потешные телохранители: Деливранс, Валантен, Ля-Куронн, Джон, Бьен-Эме, африканские юноши, которых Анри Кристоф купил у работорговца и которым

даровал свободу, дабы они обучались тонкому камер-пажескому искусству. Кристофу всегда было чуждо мистическое преклонение перед африканскими культами, свойственное провозвестникам независимости Гаити, он старался придать своему двору европейский отпечаток во всем, вплоть до мелочей. Но теперь, когда он оказался в одиночестве, когда его предали те, кого он сделал своими герцогами, баронами, генералами и министрами, верность ему сохранили только эти пятеро африканцев, пятеро юношей из племени конго, фула или мандинга, и точно верные псы сидели они на

лестнице, мрамор которой холодил им ягодицы, и ждали, когда прозвучит *ultima ratio regum*, на сей раз из уст самого короля, ибо орудия королевской артиллерии отныне бессильны были выполнить это свое назначение. Кристоф долго смотрел на своих камер-пажей, потом ласково кивнул им, они ответили печальным поклоном, и король прошел в тронный зал.

Он остановился перед гобеленом, на котором красовался его герб. Два льва в коронах поддерживали щит с главной геральдической фигурой: венценосный феникс с девизом: «Возрождаюсь из пепла». По

складкам развевающейся ленты летели слова «Бог, мое право, моя шпага». Кристоф поднял крышку тяжелого ларца, незаметного под кистями бархатной драпировки. Вынул пригоршню серебряных монет со своим вензелем. Затем швырнул наземь одну за другой несколько корон литого золота, разной толщины. Одна корона докатилась до самых дверей, покатилась по лестницам, громыхая на весь дворец. Король сел на трон, поглядел на желтые огоньки свечей, догоравших в канделябре. Губы его бессознательно твердили слова, коими открывались все королевские рескрипты и указы: «Мы, Генрих, божьей милостью и

государственными
конституционными уложениями
король гаитянский, державный
владыка островов Ла-Тортю, Гонаив
и прочих близлежащих,
Искоренитель Тирании, Спаситель и
Благодетель гаитянской нации,
Создатель ее статута, нравственных,
политических и воинских, Первый
Коронованный Монарх Нового Света,
Столп Веры, Основоположник
Королевского Рыцарского Ордена
святого Генриха, ко всем нашим
подданным, сущим и будущим,
обращаем свое приветствие...»
Кристоф внезапно вспомнил про
цитадель Ла-Феррьер, про свою
крепость, вознесшуюся над

облаками.

Но в то же мгновение ночь наполнилась грохотом барабанов. Призывая друг друга, ведя перекличку с гор, поднимаясь с побережья, выбираясь из пещер, проплывая под деревьями, спускаясь по теснинам и пересохшим руслам, гремели барабаны

Рада, барабаны конго, барабаны Букмана, барабаны Великих Договоров, все барабаны воду [\[123\]](#). То был единый мощный раскат, надвигавшийся со всех сторон, зажимавший Сан-Суси в кольцо. Громы, обложившие круг горизонта и неумолимо приближавшиеся. Буря, обрушившая свою ярость на трон,

близ которого не было более ни герольдов, ни жезлоносцев. Король вернулся в опочивальню, подошел к окну. Его угодья, его службы, его плантации уже пылали. Барабаны все наступали, но теперь впереди летело пламя, оно перебрасывалось с постройки на постройку, с поля на поле. Занялся амбар, обуглившиеся искрасна-черные доски рухнули на сарай, где держали корм для скота. Северный ветер подхватывал горящие соломинки на кукурузных полях, нес их к самому дворцу. Раскаленный пепел сыпался на террасы.

Анри Кристоф снова подумал о цитадели. *Ultima ratio regum*. Но эта крепость, не имевшая равных в мире,

была слишком велика для одного человека, а монарх никогда не думал, что наступит день, когда он останется совсем один. Бычья кровь, напивавшая толщу стен цитадели, была надежной защитой против оружия белых. Но кровь эта никогда не обращалась против черных, а крики черных слышались все ближе; они шли, оставляя за собой движущиеся зарева, и зывали к Вышним Силам, которые требуют кровавых жертв. Кристоф, преобразователь, знать не хотел воду, ударами хлыста создал он сословие господ католического вероисповедания. Но сейчас он понимал, что истинными

предателями его дела оказались в эту ночь святой Петр-ключарь [\[124\]](#), и капуцины святого Франциска, и черноликий святой Бенедикт, и смуглая приснодева в лазоревом плаще, и евангелисты, книги которых должны были целовать его подданные, принося присягу, и все мученики, хоть он повелел ставить им свечи, в каждую из которых было вложено тринадцать золотых монет. Бросив гневный взгляд на белый купол часовни, где было столько изображений, отвернувших от него лицо свое, столько символов, перешедших в неприятельский стан, король велел подать свежее белье и благовония. Приказав принцессам

выйти, он облачился в самый пышный из своих парадных мундиров. Через плечо перекинул широкую двухцветную ленту, знак своей королевской власти, концы завязал бантом на эфесе шпаги. Барабаны били совсем близко, — казалось, они грохочут за решеткой плац-парада, у подножия фундамента в виде итальянской лестницы. В этот миг запыливали зеркала во дворце, запыливали бокалы, подвески из граненого хрусталя, и хрусталь ваз, и хрусталь светильников, запыливали стаканы, стекла, запыливал перламутр консолей. Языки пламени были повсюду, и нельзя было разобрать, где настоящее пламя, а где

– отражение. Все зеркала Сан-Суси запылали разом. Здание исчезло в этом холодном пламени, которое разрасталось в ночи, окутывая стены бушующим разливом огня.

Выстрела почти не было слышно, барабаны гремели слишком близко. Рука Кристофа выронила пистолет, дернулась к простреленному виску. Мгновение он стоял выпрямившись, словно замер на ходу, затем рухнул вниз лицом, зазвенев всеми своими орденами. На пороге появились пажи. Король умирал, лежа ничком в луже собственной крови.

VII. Единственные ворота

Африканские пажи поспешно выбежали через заднюю дверь, что выходила на Епископскую Митру, на плечах они самым первобытным образом тащили жердь, наскоро оструганную с помощью мачете, а с жерди свисал гамак, сквозь прорехи которого торчали шпоры монарха. За ними, то и дело оборачиваясь и спотыкаясь о корни фламбуаянов, торопились принцессы Атенаис и Аметиста, удобства ради обутые в сандалии своих горничных, и босая королева – туфли она сбросила, когда сломала каблук о камни дороги. Солиман, камердинер короля,

некогда массажист Полины
Бонапарт, замыкал шествие с ружьем
через плечо и садовым мачете в руке.
По мере того как они во тьме
поднимались все выше по лесистому
склону, языки пламени внизу
представлялись глазу все более
слитными, смыкались в единое
заревое, хотя на подступах ко дворцу
огонь присмирел. Со стороны Мийо,
однако же, загорелись мешки с
люцерной на конском дворе.
Издалека доносилось ржание,
похожее скорее на стократ усиленные
вопли истязуемых детей; с грохотом
рушились целые стены в смерче
раскаленных углей, и обезумевший
жеребец вырывался на волю с

опаленной гривой, с хвостом, обгоревшим до репицы. Внезапно по дворцовым покоем во множестве забежали огоньки. То была пляска факелов, они мелькали в поварнях, на чердаках, взбирались по балюстрадам, по водосточным трубам, проникали в открытые окна; казалось, полчище светляков наводнило дворец. Грабеж начался. Пажи ускорили шаг, они знали, что это занятие надолго отвлечет мятежников. Солиман проверил ружейный затвор, зажал под мышкой приклад.

Перед самой зарей беглецы добрались до ближних подступов к цитадели Ла-Феррьер. Идти

становилось все труднее, слишком крут был подъем, слишком много пушек перегораживало тропу; этим пушкам не суждено было занять свое место на крепостных бастионах, им суждено было рассыпаться ржавой трухой на склонах Епископской Митры. Море уже посветлело со стороны острова Ла-Тортю, когда цепи подъемного моста задвигались, траурно побрякивая о гранит. Медленно распахнулись окованные створы Единственных Ворот. И черные камер-пажи внесли тело Анри Кристофа в его Эскуриал [\[125\]](#), все в том же гамаке, сапогами вперед. Они спускались по внутренним лестницам, а тело

становилось все тяжелее, и низкие своды роняли на труп частые холодные капли. Утренние рожки нарушили рассветную тишь, вступили в переключку со всех концов крепости. Вся одетая красным лишайником, еще погруженная в ночь, вставала цитадель — кроваво-красная сверху, ржаво-бурая снизу — над серыми тучами, что впитали столько дыма, поднимавшегося над пожарищами Равнины.

Стоя посреди крепостного плаца, беглецы рассказывали коменданту крепости о своей великой беде. Вскоре новость, прошмыгнув сквозь слуховые щели,

переходами и подземными путями добралась до казарм и служб. Повсюду замельтешили мундиры, солдаты напирали друг на друга, сбегали вниз по лестницам, бросая на произвол судьбы батареи, спускались со сторожевых башен, пренебрегая долгом караульной службы. Во дворе главной башни слышался ликующий гомон: стражники выпустили из темниц заключенных, и они, самым вызывающим образом изъясняя свою радость, ринулись туда, где находились члены королевской фамилии. Толпа теснилась, надвигаясь на пажей, круглые шапочки которых утратили былую

нарядность, на королеву, которая стояла босая, на принцесс, которых Солиман несмело защищал от бесстыдных прикосновений, и паж с Солиманом, королева с принцессами пятились, отступая к горке свежезамешенного известкового раствора, предназначенного для последних доделок; в сероватой массе торчали мастерки, только что воткнутые каменщиками, бросившими работу. Видя, что положение становится опасным, комендант распорядился очистить двор. Взрыв хохота был ему ответом. Один из заключенных, до того оборванный, что штаны не прикрывали срама, ткнул пальцем в

шею королевы:

— Кое-где у белых, когда вождь умрет, его жене отрубают голову.

Комендант понял, что в памяти его подопечных слишком свеж урок, который почти тридцать лет назад с самыми благими намерениями преподали вожди французской революции, и он подумал, что дело плохо. Но в этот самый миг пронесся слух, что караульная рота в полном составе отправилась в Сан-Суси, и это известие круто изменило ход событий. Толпа, теснясь, рванулась к лестницам и подземным переходам, ибо каждый спешил скорее добежать до Единственных Ворот. Прыгая с камня на камень, оскальзываясь,

падая, съезжая на спине, солдаты и заключенные устремились вниз по горным тропам, торопясь кратчайшим путем Добраться до Сан-Суси. Воинство Анри Кристофа распалось, лавиной тел скатилось вниз по горе. Впервые громадное сооружение было безлюдно, и тишина, воцарившаяся во всех закоулках крепости, придавала ей траурную торжественность королевской Усыпальницы.

Комендант раздвинул края гамака, чтобы взглянуть на его величество. Отсек ножом мизинец на руке, вручил королеве, которая сунула его за вырез платья и вздрогнула, почувствовав, как что-то

холодное, извиваясь червяком, скользнуло к ее животу. Затем, повинувшись приказу, пажи опустили тело в кучу известкового раствора, и оно стало медленно погружаться, словно его затягивали внутрь невидимые пальцы, присосавшиеся к спине. За время подъема в гору труп несколько прогнулся в позвоночнике – прислужники положили его в гамак еще теплым. Поэтому прежде всего в раствор погрузились живот и ляжки. Руки и кончики сапог колыхались, словно в нерешимости, выступая из вязкой серой гущи. Затем на поверхности осталось только лицо, словно его удерживала плоскость треуголки, надетой с поля. Опасаясь,

что раствор затвердеет прежде, чем голова погрузится полностью, комендант слегка надавил на нее, приложив ладонь к монаршему лбу тем движением, каким проверяют, нет ли у больного жара. Наконец раствор затянул глаза Анри Кристофа; труп короля медленно опускался вниз, в глубины влажной, постепенно твердеющей массы.

Но вот спуск прекратился, труп стал частью сжимавшей его каменной тверди. Анри Кристоф сам избрал себе смерть, и плоти его не грозило тление, ибо плоть эта слилась воедино с материей крепости, стала частицей ее громады, элементом контрфорса,

выступающего над склоном горы.
Епископская Митра стала гробницей
первого короля Гаити.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

*Я тех видений
страшился,*

*Но вот я узрел другие -
И был уstraшен
стократно. [\[126\]](#)*

Кальдерон

I. Статуи в ночи

Руки мадемуазель Атенаис бегали по клавишам недавно купленного фортепьяно; позвякивая браслетами и брелоками, она аккомпанировала сестрице Аметисте, которая жидковатым голоском выводила арию из «Танкреда» Россини, разливаясь в томных фиоритурах. Королева Мария Луиза в белом капоте и фуляре, на гаитянский лад повязанном вокруг головы, вышивала покров, предназначенный в дар монастырю капуцинов в Пизе, и журила котенка, гонявшего клубок шерсти. После трагических дней казни дофина

Виктора, после отъезда из Порт-о-Пренса, ставшего возможным благодаря заступничеству английских коммерсантов, прежних поставщиков двора, впервые за все время жизни в Европе принцессы почувствовали, что лето действительно похоже на лето. Рим жил, распахнув двери настежь, и под ярким солнцем мрамор палат и статуй казался ослепительнее, крики торговцев прохладительными напитками — звонче, смрад монашеских ряс — острее. Все десять сотен колоколов Вечного Города с непривычною томностью перезванивались под безоблачным небом, напоминавшим небо Равнины в январе. Наконец-то

Атенаис и Аметиста снова наслаждались теплом, обливаясь потом, студя босые ступни о плиты пола, расстегнув крючки юбок; они проводили дни за игрою в гусек, за приготовлением лимонадов либо рылись на полках этажерки, перебирая ноты модных романсов, изданные в новейшем вкусе, в обложках, украшенных гравюрами на меди, на которых изображались кладбища в полночный час, шотландские озера, сильфиды, порхающие вокруг юноши-охотника, девицы, опускающие любовное послание в дупло старого дуба.

Солиман также чувствовал себя счастливым в летнем Риме. Когда он

впервые появился в населенных
простонародьем кварталах — на
улочках, где от развешанного белья
стояла влажная духота, а ноги
скользили на капустных листьях,
гнилых объедках и кофейной гуще, —
там поднялся настоящий переполох.
Самые слепые лаццарони мгновенно
прозрели и во все глаза разглядывали
негра, позабыв про свою мандолину
либо органчик. Прочие
представители нищей братии
неистово размахивали культями,
выставляли напоказ все свои
традиционные язвы и лохмотья,
полагая, что перед ними посол
какой-то заморской державы. Теперь,
куда бы ни шел Солиман, за ним

гурьбой бежали ребятишки, величая его волхвом Валтасаром [\[127\]](#), дудя в дудки и гремя трещотками. Трактирщики потчевали его вином. Завидев его, ремесленники выходили из своих мастерских-лавчонок, совали ему кто помидор, кто пригоршню орехов. Давно уже на фоне фасада Фламинио Понцио [\[128\]](#) или портика Антонио Лабакко не чернел подлинно негритянский профиль. А потому Солимана частенько просили поведать его историю, каковую он расцвечивал всяческими небылицами, вроде того, что он-де — племянник Анри Кристофа и чудом спасся в ту ночь, когда в Капе началась резня, а одного

из королевских бастардов солдатам карательного взвода пришлось прикончить штыками, потому что, сколько в него ни стреляли, пули были ему нипочем. Простофили, что слушали его развеса уши, не знали толком, где совершались эти события. Одни полагали, что в Персии, другие — что на Мадагаскаре, третьи — что в краю берберов. Когда на коже Солимана проступал пот, всегда находились пытливые наблюдатели, которые оттирали ему щеки платком, проверяя, не линяет ли негр. Как-то вечером шутки ради его привели в один из тесных и зловонных театриков, где даются комические оперы. Когда

отзвучала финальная часть истории, повествовавшей о злоключениях итальянцев в Алжире, его вытолкнули на подмости. Неожиданное появление Солимана вызвало в партере такую бурю восторга, что антрепренер труппы предложил ему посещать их театр бесплатно и выходить на сцену всякий раз, когда ему заблагорассудится. Вдобавок Солиману выпала любовная удача, у него завязались шашни с одной служанкой из Виллы Боргезе [\[129\]](#), пышнотелой пьемонткой, которая не жаловала худосочных мужчин. В самые знойные дни Солиман обычно уходил на Форум, где всегда паслись

стадами овцы, и там он подолгу спал в траве. Развалины отбрасывали мягкую тень на густую зелень, а немного покопавшись в земле, можно было найти то мраморное ухо, то резной камень, то потемневшую от времени монетку. Случалось, сюда забредала гуляющая девка с семинаристом, занималась на мягком дерне своим ремеслом. Но чаще сюда наведывались люди ученые — священники под зелеными зонтиками, англичане с холеными руками — восторгались обломком колонны, списывали стершиеся надписи. В сумерках негр с черного хода пробирался в Виллу Боргезе и знай себе откупоривал бутылки

красного в компании пьемонтки. Особняк, впрочем, пришел в крайнее запустение из-за отсутствия хозяев. Фонари при входе были засижены мухами, ливреи засалены, кучера вечно пьяны, карета облезла, а в библиотеке, это знали все, развелось столько паутины, что туда годами никто не заглядывал, боясь ощутить омерзительное прикосновение паучьих лап на затылке, а то и за корсажем. Если бы в одной из верхних комнат не жил молодой аббат, племянник князя, челядинцы давно перебрались бы в покои бельэтажа и спали бы на старинных кроватях кардиналов.

Как-то ночью, в поздний час,

когда на кухне оставались только Солиман и пьемонтка, негр, хватив лишку, пожелал осмотреть всю виллу. По длинному коридору пьемонтка вывела его в просторный внутренний двор, выложенный мраморными плитами, которые в лунном свете казались голубоватыми. Двойной ряд колонн шел вдоль всего двора, отбрасывая на стены тени капителей. То поднимая, то опуская фонарь, с какими жители Рима ночью ходят по улицам, пьемонтка явила взгляду Солимана царство статуй, заполонивших одну из боковых галерей. Все статуи изображали женщин, и притом нагих, хотя все почти прикрыты были легким

флером, который под дуновением воображаемого ветерка ложился так, как того требует благопристойность. А еще Солиман увидел много зверей и птиц, ибо дамы эти то обвивали руками шею лебедя, то обнимали быка, то бежали со сворой борзых, то спасались от козлоногих людей с рожками, которые, верно, приходились сродни самому дьяволу. Это было царство холода, белизны, неподвижности, но тени статуй в свете фонаря вытягивались, оживали, словно все эти существа с глазами без зрачков двигались хороводом вокруг полуночных гостей, глядя на них невидящим взглядом. С пьяных глаз частенько мерещится всякая

нечисть, и Солиману почудилось, будто одна из статуй чуть повела рукой. Ему стало не по себе, и он потащил пьемонтку к лестнице, которая вела наверх. Теперь вокруг были картины, и они тоже, казалось, отделялись от стен и оживали. То перед Солиманом возникал юноша, с улыбкой отдергивающий занавес, то увенчанный виноградом отрок подносил к устам безмолвную свирель либо прижимал к ним указательный перст. Миновав галерею с зеркалами, стекла которых украшала роспись масляными красками, изображавшая цветы, горничная с плутовской ужимкой отворила узкую дверь орехового

Дерева и опустила фонарь.

В глубине небольшого кабинета была одна только статуя. Статуя совершенно нагой женщины, которая покоилась на ложе, Держа в руке яблоко и словно протягивая его кому-то. Пытаясь совладать с хмелем, Солиман неверными шагами побрел к статуе, от изумления сознание его, помутненное винными парами, несколько прояснилось. Это лицо было ему знакомо, и тело, тело тоже напоминало ему о чем-то. В тревоге он стал ощупывать мрамор, словно вглядываясь, внюхиваясь в его поверхность осязающими кончиками пальцев. Потрогал груди, обхватив их снизу ладонями. Провел рукою по

животу, задержав мизинец во
впадине пупка. Погладил мягкий
изгиб спины, словно собираясь
перевернуть изваяние на другой бок.
Пальцы его искали округлость бедер,
мягкость подколенной впадины,
упругость груди. И движения его рук
разбудили память, вызвали образ
давно минувших лет. Он не в первый
раз касался этого тела. Он уже
растирал эту щиколотку, таким же
точно круговым движением унимая
боль от растяжения связок. Тогда под
пальцами у него была плоть, сейчас
камень, но очертания были те же.
Теперь ему вспомнились полные
страха ночи на острове Ла-Тортю,
когда за закрытыми дверьми

предсмертным хрипом хрипел французский генерал. Вспомнилась та, которой он должен был почесывать голову, убаюкивая ее. И внезапно, повинуюсь властному зову чувственной памяти, Солиман стал массировать каменное тело, проводя ладонью по мышцам, по сухожилиям, растирая спину от хребта к бокам, пробуя большим пальцем упругость груди, выстукивая мрамор костяшками пальцев. Но холод камня передавался коже рук, и негр вдруг замер, ощутив, что запястья его цепенеют, словно их зажала в тиски смерть, и он закричал. Вино снова ударило ему в голову. Статуя, желтоватая в свете фонаря, была

мертвым телом, перед ним был труп Полины Бонапарт. Труп, только что остывший, только что утративший трепет и зрение, может быть, еще возможно вернуть его к жизни. Негр кричал, кричал во всю мощь своего голоса, словно грудь его разрывалась, и отчаянные крики гулко отдавались по всем обширным покоям виллы Боргезе. И таким дикарским стало его лицо, так загрохотали по полу каблуки, превращая в барабан перекрытие меж кабинетом и находившейся под ним часовней, что пьемонтка в страхе скатилась вниз по лестнице, оставя Солимана наедине с Венерой Кановы [\[130\]](#).

Во дворе замелькали огоньки

свечей и масляных плошек. Разбуженные неистовыми воплями, гремевшими в бельэтаже, кучера и лакеи выскакивали из своих каморок в исподнем, на ходу влезая в панталоны. Раскатисто ударил подвесной молоток по воротам, и ворота растворились, пропуская жандармов ночного дозора, они вошли гуськом, а следом протиснулись встревоженные соседи. Увидев, как запылали зеркала, негр резко обернулся к окну. Огни во дворе, люди, толпившиеся внизу среди белых мраморных статуй, слишком знакомые очертания треуголок, мундиры со светлой выпушкой, холодный блеск сабли

наголо — все это мгновенно напомнило ему ночь смерти Анри Кристофа, и его пробрала дрожь. Высадив окно стулом, Солиман выскочил на улицу. И под благовест заутрени, дрожа в ознобе, — он подхватил малярию, занесенную в Рим из Понтийских болот, — негр взывал к Великому Легбе, молил помочь ему найти путь обратно в Сан-Доминго. В ладонях и пальцах у него осталось непереносимое ощущение, словно он притронулся к призраку. Ему казалось, что Вышняя Сила, войдя в его тело, швырнула его на могильную плиту, как случилось с иными неграми у него на родине, с одержимыми, которых боятся и

почитают крестьяне, ибо они состоят в самых тесных сношениях с Хозяевами Кладбищ. Тщетно пыталась королева Мария Луиза облегчить его муки успокоительным питьем из горькой травы *eupatorium villosum*, которую доставляли ей из Капа через Лондон по особой милости президента Буайе [\[131\]](#). Солиман дрожал от холода. Мрамор римских палат и статуй заволокло нежданным сырым туманом. Летнее небо час от часу мутнело. Обеспокоенные недугом камердинера, принцессы послали за доктором Антоммарки [\[132\]](#), который состоял при Наполеоне на острове святой Елены: он слыл медиком

весьма сведущим и пользовался
особою славой как гомеопат. Но
выписанный им рецепт так и остался
лежать в ящике ночного столика.
Повернувшись ко всем спиною,
надсадно дыша в стену, оклеенную
зеленой бумагой в желтых цветах,
Солиман искал пути к богу, что
остался в далекой Дагомее, стоял там
где-нибудь в тени на перекрестке, и
красный фаллос его покоился на
посохе, который он для того повсюду
носил с собою.

Papa Legba, l'ouvri barrie-a
pou moin, ago ye,
Papa Legba, ouvri barrie-a
pou moin, pou moin passer

II. Королевский дворец

Ти Ноэль в числе первых бросился грабить дворец Сан-Суси. По этой-то причине и были меблированы столь причудливым образом развалины бывшей усадьбы Ленормана де Мези. Подвести их под кровлю по-прежнему не представлялось возможным, поскольку отсутствовали поверхности, могущие служить опорами для балки либо бревна, но старик, орудуя мачете, высвободил из зарослей еще несколько каменных останков различных частей здания, и на свет божий появились глыбы фундамента, подоконник, три

ступеньки, кусок стены, на кирпичках которой сохранился алебастровый лепной карниз, каким обыкновенно украшали столовые в нормандском вкусе. В ту ночь, когда по Равнине сновали мужчины, женщины, дети, таща на голове кто часы с маятником, кто стулья, кто балдахины, кто жирандоли, кто скамеечки для молитвы, кто лампы и тазы для умывания, Ти Ноэль несколько раз наведывался в Сан-Суси. Таким образом он стал обладателем наборного столика работы Буля; столик стоял перед кухонным очагом, который служил старому негру опочивальней и труба которого была заткнута соломой, а

вокруг Ти Ноэль расставил ширмы из
далекого [\[134\]](#) Короманделя,
затканые смутными фигурами по
тусклому золоту фона. На уцелевших
плитах пола, разрушенного травами и
корнями, покоилось чучело луны-
рыбы, некогда поднесенной в дар
принцу Виктору королевским
ученым обществом Лондона, а рядом
стояла музыкальная шкатулка и
толстостенный графин зеленого
стекла с застывшими внутри
пузырьками, которые переливались
всеми цветами радуги. Еще Ти
Ноэлю досталась кукла в наряде
пастушки, мягкое штофное кресло и
три тома Французской
энциклопедии, которыми он

пользовался как сиденьем во время трапез, состоявших из стеблей сахарного тростника.

Но больше всего радости доставляло старику обладание камзолом Анри Кристофа, зеленым шелковым камзолом с нежно-розовыми кружевными манжетами, в котором Ти Ноэль щеголял постоянно; наряд его довершала соломенная шляпа, сплюснутая и примятая наподобие треуголки, и шляпа эта, украшенная алым цветком вместо кокарды, придавала Ти Ноэлю поистине королевский облик. В послеполуденную пору он похаживал среди своей мебели, расставленной под открытым небом,

возился с куклой, умевшей закрывать и открывать глаза, либо заводил музыкальную шкатулку, без конца наигрывавшую все тот же немецкий лендлер. Теперь Ти Ноэль говорил без умолку. Он говорил, остановясь посреди дороги и размахивая руками; говорил, обращаясь к обнаженным до пояса прачкам, стоявшим на коленях в мелких ручьях с песчаным дном и полоскавшим белье; говорил, обращаясь к детям, водившим хоровод. Но больше всего говорил он, когда усаживался за свой наборный столик и брал в руку ветку гуайявы, которую держал наподобие скипетра. На память ему приходили смутные обрывки историй, которые

рассказывал однорукий Макандаль столько лет назад, что он сам запамятовал, когда это было. Постепенно в нем крепла уверенность, что ему предстоит свершить некое деяние, хотя суть этого деяния не была ему открыта ни знамением, ни вещим голосом. Во всяком случае, деяние будет великое, достойное человека, который прожил столько лет на этой земле и наплодил столько детей по ту и по сию сторону моря, а они об отце и думать забыли, помнят только о собственных детях. И по всему явно было, что близится время великих дел. Когда за поворотом тропинки ему встречались женщины, они

махали ему светлыми платками в знак почтительного приветствия, склоняясь перед ним, как пальмы, что в день воскресный склонились перед Христом, радуясь Спасителю. Когда он проходил по деревне, старухи приглашали его присесть на пороге хижины, угощали глотком прозрачного рома в плошке из выдолбленной тыквы либо только что скрученной сигарой. Однажды, под перестук барабанов, в плоть Ти Ноэля вселился дух монарха, властителя Анголы, и старик произнес длинную речь, полную недомолвок и посулов. А потом на земли его пришли стада. Ибо все эти коровы, и козы, и овцы, что щипали

траву средь развалин, служивших ему дворцом, были поднесены ему в дар подданными, тут не могло быть сомнения. Развалясь в кресле, расстегнув камзол, нахлобучив соломенную треуголку и неспешно почесывая голое брюхо, Ти Ноэль отдавал распоряжения в пространство. Но то были эдикты благодушного правителя, ибо свободе, им установленной, казалось, не грозил деспотизм ни со стороны белых, ни со стороны черных. По воле старика пустырь меж обломками стен становился вместелищем множества прекрасных вещей, прохожему он жаловал сан министра, а крестьянину с серпом —

генеральский чин; он даровал титулы, раздавал венки, благословлял девушек, а за верную службу награждал своих подданных полевыми цветами. Так учредил он Орден Горькой Метелки, как в народе зовут чернобыльник, и Орден Рождественского Дара, белого выюнка-колокольчика, что растет в полях, и Орден Доброго Моря, пышноцветной тропической мальвы, и Орден Ночного Красавчика, называемого еще ночным жасмином. Но самым почетным и желанным был Орден Подсолнуха, ибо он был ярче и крупнее всех прочих. Остатки изразцового пола в его аудиенц-зале под открытым небом были местом,

весьма удобным для танцев, а потому во дворец частенько заглядывали крестьяне, и они приносили с собою бамбуковые свирели, чача и литавры. В расщепленных толстых сучьях были зажаты горящие лучины, и Ти Ноэль, кичась пуще прежнего своим зеленым камзолом, восседал во главе стола между Отцом из Саванны, представителем церкви мятежных негров, и старым солдатом, участником битвы при Вертьере, в которой был разбит Рошамбо [\[135\]](#); в торжественных случаях он облачался в походный мундир, некогда синий, а теперь блекло-голубой, да и отвороты из красных стали розоватыми, ибо крыша его хижины

немилосердно текла.

III. Землемеры

Но однажды утром пришли землемеры. Нужно видеть землемеров за делом, чтобы представить себе, какой испуг могут нагнать своим присутствием эти существа, занятые деятельностью, сходной с деятельностью насекомых. Землемеры, появившиеся на Равнине, прибыли из далекого Порт-о-Пренса, перевалив через подернутые туманом кряжи; то были немногоречивые люди с очень светлой кожей и одетые — должно сознаться — самым заурядным образом; но они растягивали по земле длинные ленты, вбивали

колышки, укрепляли отвесы и поминутно пускали в ход линейки и угольники. Когда Ти Ноэль увидел, что эти подозрительные господчики шныряют по его землям, он обратился к ним с гневной речью. Но землемеры не стали его слушать. Они нагло ходили где вздумается, все измеряли и толстыми плотницкими карандашами заносили пометки в свои серые книги. Старик с негодованием отметил, что они изъясняются на языке французов, ненавистном языке, который он успел позабыть с тех пор, как мосье Ленорман де Мези проиграл его в карты в Сантьяго-де-Куба. Назвав землемеров сукиными детьми, Ти

Ноэль повелел им убраться прочь и так возвысил голос, что один из пришельцев схватил его за шиворот и, хлопнув линейкой по животу, отшвырнул в сторону, чтобы старик не торчал в поле зрения его окуляра. Ти Ноэль укрылся у себя в кухонном очаге и, высунув голову из-за Коромандельской ширмы, выплевывал проклятья. Но на другой день, блуждая по Равнине в поисках пропитания, он обнаружил, что землемеры кишат повсюду, негры сотнями трудятся на полях, расчищая их и размежевывая, а за их работой наблюдают мулаты верхами, в рубахах с отложным воротником, широких шелковых поясах и

ботфортах. Навстречу ему во множестве попадались крестьяне на осликах, навьюченных коробами с курами и поросятами; бросив свои хижины, они перебирались в горы, а женщины вопили и плакали. Один из беглых рассказал Ти Ноэлю, что работа на полях снова стала принудительной, а плеть теперь в руках у мулатов-республиканцев, новых хозяев Северной равнины.

Макандаль не мог предвидеть такой напасти, как принудительный труд. И Букман, негр с острова Ямайка, тоже не мог. Власть мулатов — это было что-то новое, не входившее в замыслы Хосе Антонио Апонте [\[136\]](#), который был

обезглавлен по приказу маркиза де Сомеруэлоса, — историю его мятежа Ти Ноэль узнал, когда был рабом на Кубе. Даже Анри Кристофу едва ли пришло бы в голову, что земли Сан-Доминго станут добычей этой сомнительной аристократии, этой касты полукровок, прибравших к рукам имения, привилегии и должности. Старик поглядел в ту сторону, где высилась цитадель Ла-Феррьер. Но туман стоял у него в глазах, он уже не видел так далеко. Слово Анри Кристофа претворилось в камень и не звучало более в мире живых. От единственного в своем роде монарха остался только палец, он хранился в далеком Риме, плавал

в хлебном вине, налитом в сосудец горного хрусталя. И, следуя добросовестно примеру супруга, королева Мария Луиза распорядилась в завещании, чтобы после смерти ей отсекли правую ступню и, положив в спирт, хранили бы оную в Пизе, в часовне капуцинов, возведенной ее благочестивыми щедротами; завещание же она составила после того, как вместе с дочерьми побывала на водах в Карлсбаде. Как ни ломал себе голову Ти Ноэль, он не мог ничего измыслить, дабы выручить своих подданных, обреченных гнуть спину под бичом новых господ. Отчаяние охватывало старика, ибо цепи, словно лианы,

непрерывно давали побег, железа
непрерывно множились, беды
следовали за бедами, и слабые духом,
усматривая в том доказательства
тщеты всякого мятежа, смирялись со
своей участью. Ти Ноэль побаивался,
что его тоже могут заставить
работать на полях, невзирая на его
годы. И тут ему снова вспомнился
Макандаль. Раз человеческое обличье
навлекает столько невзгод на своего
обладателя, лучше уж на время
избавиться от него и следить за
событиями на Равнине под видом
менее заметных тварей. Придя к
такому решению, Ти Ноэль диву
дался, как легко превратиться в
животное, когда на то обладаешь

властью. Для пробы он вскарабкался на дерево, пожелал стать птицей — и тотчас стал птицей. Сидя высоко на ветке, он косился на землемеров и расклевывал мякоть плода каймито. На следующий день он пожелал стать ослом — и стал ослом; но ему пришлось во всю прыть улепетывать от какого-то мулата, который собирался стреножить его и выхолостить кухонным ножом. Он сделался было осой, но ему вскорости приелось геометрическое однообразие восковых построек. Когда же он по недомыслию обернулся муравьем, ему пришлось таскать невероятные тяжести по бесконечным дорогам под надзором

головастых особей, слишком живо напоминавших ему надсмотрщиков Ленормана де Мези, стражников Кристофа, нынешних мулатов. Случалось, что целая колония насекомых гибла под копытами коня. Не тратя времени попусту, головастые особи снова строили выживших в ряды, снова прокладывали путь, и хлопотливая суета продолжалась своим чередом. Поскольку Ти Ноэль был всего-навсего ряженный и никоим образом не почитал себя обязанным блюсти интересы Вида, он отстал от прочих и спрятался у себя под столом, где в ту ночь нашел прибежище от назойливого мелкого дождика, щедро

поливавшего иссушенный солнцем
дрок, отчего над полями запахло
прелой соломой.

VI. Agnus dei [\[137\]](#)

День обещал быть душным, тучи повисли над самой землей. Утренняя роса еще не просохла на паутине, когда великий гомон, обрушившись с неба, огласил владения Ти Ноэля. Спотыкаясь и падая, по траве ковыляли гуси из тех, что содержались некогда в птичниках Сан-Суси; неграм их мясо не пришлось по вкусу, и потому, грабя дворец, они не тронули гусей, которые переселились в лес, в тростниковые заросли, где жили все это время на полной свободе. Старик был чрезвычайно рад гостям и

принял их изъявлениями живейшего восторга; ему ли было не знать, какая это умная и жизнерадостная птица, ведь он имел случай познакомиться с высокими достоинствами гусиного племени, когда мосье Ленорман де Мези предпринял малоуспешную попытку разводить гусей у себя в имение, надеясь, что они приспособятся к новому для них климату. Гуси плохо переносили жару, а потому гусыни неслись раз в два года, откладывая всего по пяти яиц. Но событие это обставлялось сложными обрядами, передававшимися и соблюдавшимися из поколения в поколение. Брачное торжество праздновалось на берегу,

где-нибудь на отмели, в присутствии всего клана гусынь и гусаков. Молодой гусь на всю жизнь соединялся со своей подругой и покрывал ее под ликующее гоготание сородичей, которые освящали брак обрядовыми танцами, кружась, притоптывая и поводя шеей. Затем весь клан приступал к сооружению гнезда. Пока наседка сидела на яйцах, ее охраняли гусаки, и они были настороже постоянно, даже ночью, когда прятали круглый глаз под крылом. Если неуклюжим гусятам в желтом пуху грозила опасность, самый старый гусак защищал их грудью и клювом, без колебаний нападая на овчарку, на

всадника, на повозку. Гуси были народ основательный, склонный к порядку, рассудительный; форма их бытия исключала возможность порабощения одних представителей племени другими. Принцип власти, олицетворяемый вожаком, был необходим лишь для поддержания порядка внутри клана, и в этом отношении власть вожака была того же свойства, что власть царька или старейшины в древних африканских общинах. От прежних опрометчивых превращений Ти Ноэлю было мало проку, а потому он воспользовался своим сверхъестественным даром, дабы превратиться в гуся и стать членом птичьего племени,

поселившегося в его владениях.

Но когда он пожелал занять свое место в клане, на него угрожающе нацелились высокомерно вытянутые шеи и клювы с твердыми зубцами по краям. Его не подпустили к общему выпасу, и белая стена из встопорщенных перьев отгородила от него равнодушных самок. Тогда Ти Ноэль попробовал стусеваться, не докучать своим обществом, поддакивать прочим. В ответ гуси презрительно пожимали крыльями. Он пытался снискать расположение гусынь, показав им известное ему одному местечко, где рос кресс с удивительно нежными корешками, но труды его пропали даром. Серые

хвосты досадливо подергивались, желтые глаза смотрели с надменно недоверчивым выражением, которое повторяли, казалось, пятнышки глазков у затылка. Клан предстал перед Ти Ноэлем в виде некой общины избранных, отвергавшей всех чужаков без изъятия. Великий Гусак из Сан-Суси никогда не снизошел бы до каких бы то ни было сношений с Великим Гусаком из Дондона. Если бы они столкнулись друг с другом, разразилась бы война. И тут Ти Ноэль понял, что, домогаясь он годы и годы, ему не удастся приобщиться ни к обязанностям, возлагаемым на членов клана, ни к его обрядам. Ему

недвусмысленно дали понять: дабы уповать на равенство всех гусей меж собою, мало быть просто гусем. Никто из гусей общины не плясал и не пел у него на свадьбе. Никто из ныне живущих не был свидетелем его появления на свет. Он не мог предъявить хоть сколько-нибудь убедительной родословной, а перед ним были представители четырех поколений с безупречно чистой кровью. Словом, он был метек [\[138\]](#).

И тогда Ти Ноэль смутно осознал, что презрение гусей было ему карою за малодушие. Ведь если Макандаль долгие годы жил в образе разных животных, то лишь ради того, чтобы сослужить службу людям, не

ради того, чтобы спастись из их мира бегством. И вот, вновь обретя обличье и долю человека, Ти Ноэль достиг высшего прозрения. За время единого содрогания прожил он главные часы своей жизни и вновь увидел героев, что возвестили ему силу и мощь его далеких африканских предков и поселили в нем веру в грядущее, ростки которого они провидели. Он ощутил себя таким древним, словно прожил века и века. Вселенская усталость грузом целой планеты с горами и скалами легла ему на плечи, утратившие былую силу в непрестанных трудах, мятежах и муках. Ти Ноэль расточил наследство, что досталось ему, и все

же, дойдя до предела нищеты, он оставлял людям все вверенное ему достояние в целостности и сохранности. Лишь плоть его была подвластна времени. И теперь он понимал, что человеку не дано знать, ради кого страдает он и надеется. Он страдает, и надеется, и трудится ради людей, которых никогда не узнает, а они, в свой черед, будут страдать, и надеяться, и трудиться ради других людей, которые тоже не будут счастливы, ибо человек никогда не удовлетворится долей счастья, ему отпущенной, и всегда жаждет большего. Но в том и состоит величие человека, что он стремится улучшить сущее. Что он возлагает на

себя бремя Деяний. В Царстве небесном человеку нет причины искать величия, ибо там всё – вечная иерархия, непостижимая в простоте своей, и нет там предела бытию, и нет нужды в самопожертвовании, а есть лишь отдохновение и улады. И потому человек, изнуренный бедами и Деяниями, прекрасный в нищете своей, не утративший способности любить среди мук своих, может обрести свое величие во всей мере и полноте его лишь в Царстве земном.

Ти Ноэль взгромоздился на свой стол, попирая задубелыми ступнями узоры маркетри. В той стороне, где был Кап, небо потемнело, словно его заволокли дымы пожаров, как в ту

ночь, когда запели все раковины на горе и по побережью. Старик возвестил войну новым господам и повелел своим подданным идти в бой на мулатов, самочинно присвоивших власть и творящих незаконные дела. В то же мгновение могучий ветер, рожденный над зелеными водами Океана, неистово взвыл и, протиснувшись сквозь долину Дондон, нагрянул на Северную равнину. И взревели в ответ жертвенные быки на Епископской Митре, и закружились в воздухе штофное кресло, тома энциклопедии, музыкальная шкатулка, кукла-пастушка, рыба-луна, и рухнули последние

развалины бывшей усадьбы. Все деревья полегли кронами на юг, а корневища их обнажились. И всю ночь напролет море, дождем обрушившееся на землю, хлестало отроги гор, оставляя на них соленый след.

И с той поры никто ничего не знал о дальнейшей участи Ти Ноэля и его зеленого камзола с нежно-розовыми кружевными манжетами; знал о том разве что большой кондор, птица, живущая чужой смертью; раскинув намокшие крылья, дожидался он солнца, подобный кресту из перьев, а потом очертания креста сместились, кондор взмыл в небо и, вытянувшись в черную черту,

исчез в чащах Буа-Кеман.

Каракас, 16 марта 1948 г.

notes

Примечания

Эпиграф к «Введению» взят из романа М. Сервантеса «Странствия Персилеса и Сихисмунды» (1616). Ликантропия — форма помешательства, при которой больной считает, что превращен в волка. В средние века в некоторых странах Европы, особенно во Франции, эта болезнь была очень распространена.

Анри Кристоф в 1807 – 1811 гг. был пожизненным президентом, а в 1811 – 1820 гг. – королем так называемого Государства Гаити, расположенного в северной части острова.

Здесь: Сан-Суси – королевский дворец, построенный Анри Кристофом в 1811 – 1812 гг. и названный так в подражание знаменитому дворцу Фридриха II в Потсдаме.

Цитадель Ла-Феррьер –
крепость, построенная во время
правления Анри Кристофа.

Теперь – город Кап-Аитьен.

Полина Бонапарт (1786 – 1825)

– сестра Наполеона Бонапарта, жила на Гаити в 1801 – 1802 гг.

Культы, входившие в состав воду (синкретическая политеистическая религия гаитянских негров, в основу которой легли языческие верования и прежде всего культ предков). Культ Рада – африканского происхождения. Культ Петро возник на Гаити и ведет свое начало от полумифического дона Педро, уроженца испанской части острова.

Имеется в виду цикл французских рыцарских романов о короле Артуре, основанный на кельтских сказаниях о легендарном короле Британии, велевшем, согласно преданию, соорудить у себя во дворце круглый стол, чтобы все рыцари его королевства чувствовали себя равными. Волшебник Марлин (или Мерлин) – герой романов артуровского цикла. Лес Броселианды – лес, в котором жил волшебник Марлин.

Ярмарка, народное гулянье
(франц.).

«Алхимия глагола» – глава из книги французского поэта А. Рембо (1854 – 1891) «Сквозь ад».

Имеется в виду роман французского писателя Альфонса Франсуа Донасьена, маркиза де Сада (1740 – 1814). «Жюльетта» – продолжение наиболее известного романа де Сада «Новая Жюстина, или Несчастья добродетели». Для героев его романов характерно сочетание жестокости и сексуальной патологии.

Жарри, Альфред (1873 – 1907) – французский писатель. «Сверхмужчина» – главный герой эротико-фантастического романа Жарри «Сверхсамец».

Монах Льюиса – герой романа «Монах» английского писателя Мэтью Грегори Льюиса (1775 – 1818), вместе с Анной Радклиф (1764 – 1823) представляющего жанр так называемого готического, или черного, романа. Этот жанр западноевропейского и американского романа второй половины XVIII – начала XIX века, изобилующего изображениями сверхъестественного и страшного, именуют также «романом ужасов». В романе «Монах» описываются преступления испанского монаха

Амброзио, ставшего жертвой
демонических сил.

Унамуно, Мигель (1874 – 1936) – знаменитый испанский философ и писатель.

«*Песни Мальдолора*» – поэма в прозе французского поэта, предшественника сюрреализма, Лотреамона (1846 – 1870; настоящее имя – Изидор Дюкас). Герой «Песен Мальдолора» (слова *mal dolor* означают по-испански «злая скорбь») – фантастический злодей и садист – представляет собой ироническую гиперболизацию абсолютного отрицания, свойственного романтической литературе.

Массон, Андре (р. 1896) –
французский художник-сюрреалист.

Лам, Вифредо (1902 – 1982) –
кубинский художник.

Стоит отметить, что глубиной и своеобразием произведения Вифредо Лама выделяются – весьма выгодно для престижа латиноамериканской живописи – среди работ прочих художников, репродуцированных в специальном номере «Cahier d'Art», вышедшем в 1946 году и посвященном обзору современных изобразительных искусств. – *Прим. автора.*

Танги, Ив (1900 – 1955) – американский художник-сюрреалист французского происхождения.

Вы, незрячие, подумайте о тех,
кто наделен зрением (*франц.*).

«Амадис Галльский», *«Тирант Белый»* – испанские рыцарские романы (XV – XVI вв.).

Рутилио – персонаж из романа Сервантеса «Странствия Персилеса и Сихисмунды».

Речь идет о приключениях
Рутилио.

Поло, Марко (1254 – 1323) – итальянский путешественник, посетивший Малую Азию, Персию, Афганистан, Индию и Китай и оставивший подробное описание своего путешествия, в котором много фантастического.

По преданию, дьявол явился Мартину Лютеру в замке Вартбург в то время, когда Лютер работал над переводом Библии на немецкий язык.

Речь идет о Леопольдине Гюго, дочери Виктора Гюго, утонувшей во время морской прогулки. Гернси – остров в Ла-Манше.

Имеется в виду излюбленная
тема полотен знаменитого
голландского художника Винсента
Ван-Гога (1853 – 1890).

Букман, Александр — вождь негритянского восстания 1791 г., которое стало началом войны за независимость на Гаити.

Серия гравюр знаменитого итальянского архитектора и гравера Джованни Баттисты Пиранези (1720 – 1778), на которых изображены фантастические архитектурные композиции.

Асурдуй де Падилья (1781 – 1862) – национальная героиня Боливии, участница войны за независимость.

Ангостура – старинное название города Сьюдад-Боливар в Венесуэле.

Очарованный Град Цезарей –
город Маноа, легендарная столица
Эльдорадо.

Сантеро — последователи сантерии, синкретического афро-католического культа, распространенного среди кубинских негров.

Имеется в виду «Приключения Рокамболя» — серия романов французского писателя Понсона дю Террайля (1829 — 1871). Образ Рокамболя стал нарицательным для обозначения дерзкого и удачливого авантюриста.

См.: Jaques Roumain. Le sacrifice du tambour Assoto (Жак Румен. Заклание барабана Ассото – *франц.; прим. автора*).

Уроженец Монтевидео (*франц.*).

Экспедиция Христофора Колумба, которая открыла остров Гаити в 1492 г., назвала его Эспаньола. В конце XVII в. западная часть острова перешла к Франции и стала называться Сен-Доменг, или Сан-Доминго, а восточная, испанская, часть – Санто-Доминго.

Эпиграф к первой части повести
взят из пьесы Лопе де Беги
«Открытие Нового Света
Христофором Колумбом» (акт I,
сцена 5).

«Лейденская газета» – газета, которую издавали французские эмигранты в Голландии. Она выходила с 1680 по 1814 г. и отличалась дерзкими нападками на нравы французского двора и аристократии.

Попо, аранда, наго и фула –
народности Западной Африки.

Король Да (сокращенное от Дамбалла) – один из главнейших водуистских богов, бог источников и озер, хозяин дождя. Символ Дамбалла – змея. В космогонии воду Дамбалла и его жена Аида отождествляются с радугой. Макандаль у Карпентьера называет водуистских богов королями, потому что, по мнению некоторых исследователей, слово «лоа» – божество, дух – в культе воду происходит от французского слова «roi» – «король» и, кроме того, потому что большинство водуистских

лоа являются обожествленными предками – умершими королями или старейшинами племен.

«ОТВАЖНЫЙ» (*франц.*).

Восточная часть острова была испанской колонией под названием Санто-Доминго до 1795 г.

Сьерра-Леоне – страна в Западной Африке. В XVII – XVIII вв. ее чаще, чем другие страны, посещали корабли работорговцев.

Вида – город в Дагомее.

Барон Самди, барон Пикан,
барон Лакруа – божества смерти в
культе воду.

Матушка Луа (или по-испански Лоа) – обычное бытовое название жрицы культа воду.

«*De profundis*» – название католической молитвы, данное по первым словам («Из глубины взываю к тебе...»).

«*Miserere*» – латинское название пятидесятого псалма царя Давида («Смилуйся»).

Унган – жрец воду.

Вест-индская Картахена – город в Колумбии, на побережье Карибского моря. В марте 1697 г., когда Франция воевала с Испанией и Англией, французский флот с помощью кораблей буканьеров из Сан-Доминго захватил испанский порт Картахену. После возвращения военных кораблей во Францию город подвергся жестокому разграблению буканьерами, оказавшими до этого помощь французскому флоту. Буканьеры – первоначально французские колонисты, поселившиеся в XVII в. на острове

Сан-Доминго и занимавшиеся разведением скота. Попытка испанцев согнать буканьеров с занятых ими земель заставила буканьеров присоединиться к пиратам. В дальнейшем буканьер – синоним пирата.

Имеются в виду французские мореплаватели, колонизовавшие в XVII в. различные острова Антильского архипелага и установившие там власть Франции.

Черный Кодекс – свод правил, регулировавший систему рабовладения в Северной Америке; был издан в 1685 г.

Имеется в виду существующее на Гаити поверье, что некоторые люди после смерти остаются жить среди живых и ведут себя как живые до тех пор, пока не попробуют соли и не поймут, что мертвы. Жакмель — область на южном побережье Гаити.

Хозяин Дорог – лоя Легба, один из главных богов водуистского пантеона. Известен как бог плодородия и хранитель дорог, перекрестков и дверей каждого дома. Легба выступает как посредник между человеком и другими божествами, и к его услугам верующие прибегают очень часто. Перед началом всякого ритуального обряда необходимо обратиться к лоя Легбе, чтобы он открыл дверь и другие лоя могли бы войти в храм. В Африке символом Легбы является фаллос, но на Гаити его

представляют обычно веселым
хромым старичком-бедняком.

Огун, Господин Железа – бог войны у водуистов. То же, что Огун Бадагри и Огун Феррайль.

Все в круг, конга, в круг!

Все в круг, конга, в круг!

Пляши, негритянка, конгу, йа-

йа-ро! (*креол.*)

Отче, услышь меня!

Побеги бамбука – пища моя,

Услышь меня, отче, услышь

меня!

Долго ль мне скрести котлы?

Услышь меня! (*креол.*)

Макандаль спасен! (*креол.*)

Я сказала ей, что она там будет королевой; что ее будут носить в паланкине; что преданная рабыня будет ловить каждое ее движение, дабы угадать ее волю; что она будет прогуливаться под цветущими померанцами; что ей не следует бояться змей; поскольку на Антильских островах змеи не водятся; что дикарей теперь опасаться нечего; что вертелы, на которых жарят людей, там не в ходу; наконец, в заключение своей речи, я сказала, что она будет очаровательна в наряде креолки.

Г-жа а Абрантес (франц.).

Эпиграф ко второй части взят из четвертого тома «Мемуаров» герцогини Луары д'Абрантес (1784 – 1838), хозяйки известного в Париже аристократического салона; в приведенном отрывке рассказывается об отъезде Полины Бонапарт в Сан-Доминго.

Дочерью критского царя Миноса и его жены Пасифаи была Федра, главная героиня одноименной трагедии Жана Расина, отрывки из которой декламирует мадемуазель Флоридор.

«Сен-Доменгская газета»

(франц.).

Олья-подрида — испанское
национальное блюдо.

Нет, переполнилось вместилище
грехов!

Я в любострастен повинна
неуемном,

В кровосмешении, в обмане
вероломном,

И льщу заранее я мстительность
свою

Надеждою, что кровь невинную
пролью! (*франц.*)

Здесь и ниже — стихи из
четвертого акта трагедии Ж. Расина
«Федра». Перевод М. Донского.

Мой отец – ведь он там судия!

И с дрожью ужаса услышит он,
как Федра,

Сошедшая с земли в ее глухие
недра,

Ему поведает свой
беспредельный стыд,

Злодейства, о каких не знал
досель Аид! (*франц.*)

Фэ Огун, Фэ Огун, Фэ Огун, о!

Прогремели пушки Дамбалла!

Фэ Огун, Фэ Огун, Фэ Огун, о!

Прогремели пушки Дамбалла!

(креол.)

Огун Бадагри,
Воитель кровавый,
Громы обрушь,
Громом греми,
Кинь молнию, Катаун! *(креол.)*

Бланишланд, Филипп-Франсуа
(1735 – 1793) – губернатор
французской колонии Сан-Доминго.

Парни – дю Парни, Эварист Дезире (1753 – 1814) – французский поэт, автор сборника «Эротические стихотворения» (1778).

Имеется в виду «Исповедание веры савойского викария» — философский трактат Ж.-Ж. Руссо, включенный в состав его романа «Эмиль» (часть IV); трактат представляет собой апологию «естественного» состояния.

«Поль и Виргиния» –
сентиментальный роман
французского писателя Бернардена
де Сен-Пьера (1737 – 1814), герои
которого живут на тропическом
острове.

Учредительное собрание —
высший представительный и
законодательный орган Франции с
1789 по 1791 г.

*Мурексы, «флоридские
тритоны», стромбы —
разновидности морских раковин.*

Догон – божество филистимлян, древнего народа, владевшего Палестиной до возвышения государства Израиль в X в. до н. э. Ковчег – обиталище бога Яхве у древних израильтян. Название этой главы повести намекает на историческую ситуацию, сходную с той, что существовала на Гаити: культ бога победителей навязан побежденным, но в рамках этого культа они воздают почести старым божествам.

Имеются в виду французский король Людовик XVI (1754 – 1793) и его жена королева Мария-Антуанетта (1755 – 1793). Казнены во время Великой Французской революции.

Квартерон, терцерон, мамелюк, гриф, марабу — потомки от смешанных браков. Квартерон — от брака белых с терцеронами; терцерон — от брака белых и мулатов; мамелюк — от брака индейцев и мулатов; гриф — от брака индейцев и негров; марабу — от брака метисов и мулатов.

Имеется в виду Жан-Батист Лаба (1663 – 1738), французский миссионер, который несколько лет провел на Антильских островах и оставил описание своего путешествия.

Моро де Сен-Мери, Медерик
(1750 – 1819) – французский
колониальный чиновник, автор
первого обширного описания
колонии Сан-Доминго.

Наветренный пролив – пролив между островами Куба и Гаити.

Имеется в виду героиня оперного либретто «Покинутая Дидона», написанного итальянским драматургом П. Метастазио (1698 – 1782) на сюжет некоторых эпизодов поэмы Вергилия «Энеида». По Вергилию, Дидона – царица Карфагена, приютившая Энея после гибели Трои и лишившая себя жизни, когда Эней ее покинул.

Эдельман, Жан-Фредерик (1749 – 1794) – французский композитор.

Любовь своею благостною
властью

Зовет нас вечному предаться
счастью!. (*франц.*)

Монсиньи, Пьер-Александр (1729 – 1817) – французский композитор, один из создателей жанра комической оперы.

Креолы – здесь: уроженцы Кубы.

Гимн святого Людовика – гимн французских роялистов. «Марсельеза» во времена Французской революции 1789 – 1794 гг. была песней революционной Рейнской армии, позже – национальный гимн Франции.

Вильянсико — народная испанская песня на религиозную тему. Вильянсико поются обычно во время рождественских праздников.

Салас, Эстебан (? – 1803) – известный кубинский композитор. С 1764 г. был капельмейстером кафедрального собора в Сантьяго; автор вокального цикла «Вильянсико».

В названии ордена игра слов: доминиканцы — «псы господ» («Domini canes», лат.). Герб ордена святого Доминика изображает собаку, которая несет во рту горящий факел. Эмблема ордена выражает его назначение: охранять церковь от ереси и просвещать верующих.

Согласно христианской легенде, отшельник Антоний всюду водил с собой борова в знак своего смирения.

Хунфор – святилище воду.

Креольское наречие – язык, на котором говорят негры на Гаити, во французских колониях Америки; представляет собой смесь испорченного французского языка и заимствований из других языков.

«Баязет» и *«Митридат»* –
трагедии Ж. Расина.

Леклерк, Шарль-Виктор (1772 – 1802) – французский генерал, который в 1801 г. возглавил французскую карательную экспедицию в Сан-Доминго. Умер во время эпидемии желтой лихорадки.

Галатея в греческой мифологии
— нимфа, дочь Нерея.

Лавале, Жозеф (1747 – 1816) –

французский писатель.

Бернарден де Сен-Пьер был последователем Ж.-Ж. Руссо и считал, что негры, как и другие «первобытные» народы, обладают «естественной добродетелью», бескорыстием и простодушием.

Виргиния – героиня романа Бернардена де Сен-Пьера «Поль и Виргиния»; Атала – индеанка, героиня повести Франсуа-Рене Шатобриана (1768 – 1848) «Атала».

Имеется в виду так называемая
стегомия — переносчик вируса
желтой лихорадки.

Александр Оливье Оксмелен – врач, служивший на кораблях буканьеров; автор книги «Буканьеры в Америке» (1678).

Злодей, быстрее, насыться,
отринься, аминь (*итал. диал.*).

Директория – правительство
французской республики в 1795 –
1799 гг.

Амулетом Легбы на Гаити чаще всего является посох.

Рошамбо, Донасьон-Мари-Жозеф (1750 – 1813) – губернатор Сан-Доминго в 1802 – 1803 гг.

Здесь: курочки, цыпочки
(франц.).

Они нажрутся негритянского
мяса (*франц.*)

По библейской легенде, солнце остановил молитвой святой Иисус Навин. От трубных звуков пали стены Иерихона — города в Ханаане, который осаждали евреи, руководимые Иисусом Навином.

Речь идет о помощниках жрецов воду, знающих католическое богослужение. В их деятельности офажается синкретический характер культа воду.

Эпиграф взят из книги
известного немецкого географа
Карла Риттеа (1779 – 1859).

Дессалин, Жан-Жак (1758 – 1806) – негр-раб, поднявший в 1804 г. восстание против Франции; Дессалин провозгласил независимость Гаити и объявил себя императором под именем Якова I.

Локо – у водуистов один из главных лоа, божество леса, мудрец, знающий лечебные свойства трав.

Маринетта *Буа-Шеи* —

водуистское божество мести.

Мундшенк (нем.) – виночерпий.

«*Salve*» (лат.) – «Спаси»,
молитва в честь девы Марии.

Имеется в виду книга греческого историка Плутарха (I в. н. э.) «Жизнеописания знаменитых мужей древности».

Имеется в виду французский король Людовик XIV (1643 – 1715), прозванный Королем Солнце, царствование которого было временем расцвета французского абсолютизма. Латинский девиз гласит: «Последний довод королей».

Я словно вознесенная в небо
пальма в Кадете и словно
насаждение роз в Иерихоне. Словно
прекрасное масличное дерево в
полях и словно высокий платан у
родника при дороге. Будто киннамон
и благовонный бальзам источали уста
мои, будто сладостный запах мирры
источали они (*лат.*).

Оферторий – молитва, которой сопровождается часть мессы, предваряющей причащение.

Вознесена Мария на небеса;
ликують ангелы и согласным хором
славословят господа, аллилуйя!
(лат.)

Избави, господи, души всех
усопших верных рабов твоих от оков
всяческих прегрешений... *(лат.)*

День гнева (*лат.*).

Всех приведет к подножию
трона (*лат.*).

Царь, облеченный властью
грозною (*лат.*).

Пляски под барабан занимают существенное место в религиозном ритуале воду. Во время негритянских восстаний XVIII – XIX вв. барабаны использовались для связи между повстанцами, которые жили на отдаленных друг от друга плантациях.

По христианской легенде, святой Петр считается хранителем ключей от ворот рая.

Эскуриал – дворец-монастырь, построенный под Мадридом испанским королем Филиппом II в 1584 г. Внутри Эскуриала находятся усыпальницы испанских королей. Здесь – в значении «усыпальница».

Эпиграф взят из драмы П.
Кальдерона «Жизнь – это сон».

Валтасар, один из трех волхвов, которые, по евангельской легенде, пришли приветствовать новорожденного Христа, был негром.

Фламинио Понцио (1555 – 1610)

— известный итальянский архитектор, принимавший участие в строительстве дворца Боргезе.

Вилла Боргезе – дворец-усадьба семьи Боргезе в Риме. В XIX в. дворец Боргезе имел богатейшую библиотеку, коллекции старинных рукописей и произведений искусств.

После смерти генерала Леклерка Полина Бонапарт в 1803 г. вышла замуж за князя Камило Боргезе. В 1805 г. знаменитый итальянский скульптор Антонио Канова (1757 – 1822) создал статую Венеры, известную под названием «Торжествующая Венера», моделью для которой послужила Полина Бонапарт.

После смерти Анри Кри-стофа северная и южная части острова Гаити образовали единую республику, во главе которой стоял Жан-Пьер Буайе (1776 – 1850).

Антоммарки, Франческо (1780 – 1838) – корсиканец, врач Наполеона I.

Пусти меня, отче Легба, открой
мне пути,

Пусти меня, отче Легба, дай мне
войти (*креол.*)

Коромандель — район на восточном побережье полуострова Индостан. В XVIII в. французы и англичане вели оживленную торговлю с городами Короманделя.

Битва при Вертьере произошла 18 ноября 1803 г. между французами, которыми командовал Рошамбо, и повстанческой армией Дессалина.

Апонте, Хосе Антонио (? – 1812)

— кубинский негр, руководитель заговора, целью которого было создать на Кубе государство негров.

Агнец божий (*лат.*).

Метек. – В Древней Греции метеками называли чужестранцев, которые жили в Аттике, но не обладали правами афинского гражданина.